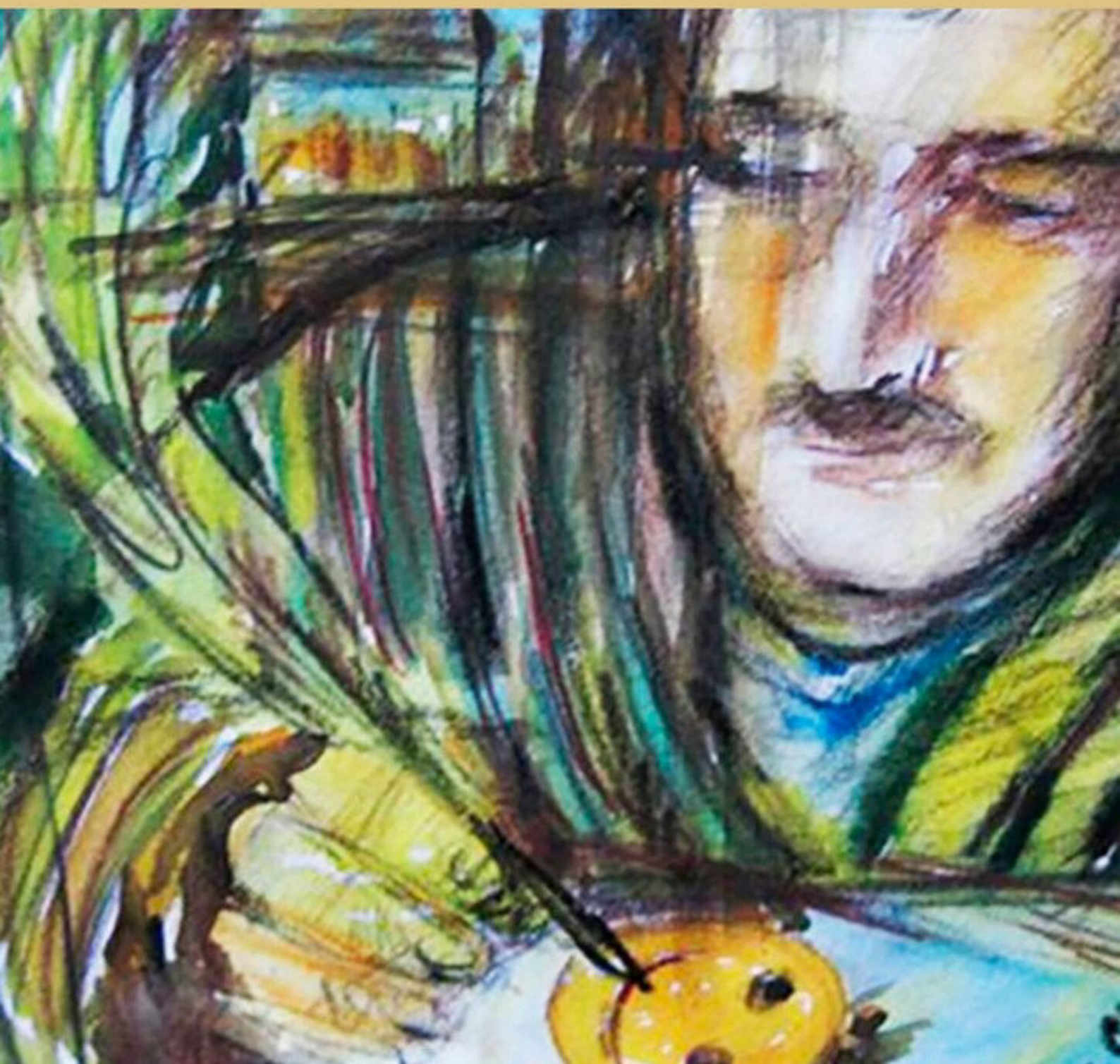

18+

Голиб Саидов
О чём умолчал Мессия...

Автобиографическая повесть

Голиб Саидов

О чём умолчал Мессия...
Автобиографическая повесть

«Издательские решения»

Саидов Г.

О чём умолчал Мессия... Автобиографическая повесть /
Г. Саидов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695334-5

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Да —
ещё одна автобиографическая повесть. Вопрос лишь в одном — заинтересует
ли она читателя? И — насколько актуальна? Заставит ли улыбнуться вместе с
автором или — наоборот — взгрустнуть? Между прочим, автору и самому это
ужасно интересно... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-695334-5

© Саидов Г.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I	6
Там, за поворотом...	6
Пролог	7
Раннее	8
Детство и двор	9
Моя первая пасха	11
Айрам шум-шум	14
Семья	16
Мамин букет	17
Немного о колоде и кочерге	19
Юсуф	21
Саид	22
История куропатки	24
История невесток	25
Абдулло	26
Бахшилло	29
Советский пасьянс	33
Цугцванг	36
Культурная столица	38
ЧАСТЬ II	39
Ожидание	39
Так говорит Андрюша...	41
Знакомство	42
Так говорит Андрюша...	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

О чём умолчал Мессия...

Автобиографическая повесть

Голиб Саидов

– Народы, хотите ли, я вам скажу громовую истину, какой вам не говорил ни один из пророков...

– Ну? Ну?.. Хх...

– Это – что частная жизнь выше всего.

– Хе-хе-хе!.. Ха-ха-ха!.. Ха-ха!..

– Да, да! Никто этого не говорил; я – первый... Просто, сидеть дома и хотя бы ковырять в носу и смотреть на закат солнца.

– Ха, ха, ха...

– Ей-ей: это – общее религии... Все религии пройдут, а это останется: просто – сидеть на стуле и смотреть вдаль.

(В. Розанов «Уединённое»)

© Голиб Саидов, 2026

ISBN 978-5-0069-5334-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I

Там, за поворотом...

*«...Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное»
(«Библия, Мф. гл.18, ст. 2 – 3»)*

Пролог

Не бойся, дорогой читатель: я постараюсь быть, по возможности, кратким. Хотя, скорее всего, я тебя, конечно же, обманываю: в этом деле быть кратким, вряд ли, получится...

Как и все восточные товарищи, я не умею выражать свои мысли коротко и лаконично: я непременно тку узор, обставляя свою речь множеством витиеватых слов и дополнительных образных выражений, которые – по моему мнению – должны способствовать правильному прочтению и наиболее точной передаче моей основной мысли, что я собираюсь донести до своего слушателя. Мне это очень важно. Ведь, от того, как он мне ответит, зависит очень многое. Например, – интересен ли мне этот человек или пора тактично закруглять нашу тему и бежать дальше. Ты хочешь спросить – «куда?» А не всё ли равно? Бежать по жизни. Туда, куда мы все бежим. Куда катится наша планета.

И – продолжать свои поиски. А ещё – надеяться. Потому что Надежда умирает последней...

И, если ты вновь попытаешься спросить меня: «Поиски – чего или кого?», то я тебе вряд ли сумею ответить определённо и внятно, потому, как и сам уже, не знаю толком – что, собственно, пытаюсь найти в этой жизни. А всё это оттого, что я родился на Востоке. Хотя, вот уже более половины своей жизни живу на Западе. Впрочем, Россию западом трудно назвать – это ни то, ни другое, а потому она по-прежнему остаётся для меня загадкой...

Мне казалось, что это произошло со мною совсем недавно, лет десять-пятнадцать назад. Но теперь я начинаю догадываться, что это не так. На самом деле я искал Его давно. С самого раннего детского возраста.

Раннее

– Первое что я должна сделать, – сказала Алиса самой себе, бродя по лесу, – Вырасти до моего настоящего размера, а во-вторых – найти путь в тот прекрасный сад. Думаю, что лучшего плана никто не придумает.

(Льюис Кэррол «Алиса в Стране чудес»)

Из раннего детства память сохранила несколько самых ярких фрагментов. Один из них связан с детским садом, куда меня отдали, едва мне исполнилось три года.

Под бдительным и заботливым оком воспитательницы, взявшись за ручки, мы стройной колонной направляемся на прогулку. Приветливое весеннее солнце ласкает нас своими тёплыми лучами, согревая и воскрешая к жизни всё вокруг.

Вот я, радостный и довольный, беззаботно бегаю за красивыми пёстрыми бабочками и большими стрекозами. Бабочек невероятное разнообразие, а у стрекоз огромные круглые глаза и удивительно длинный хвост. Меня никто не учил, но я знаю – как их следует ловить. Нужно осторожно и на цыпочках подкрасться к ним сзади и, медленно протянув руку, резко схватить указательным и большим пальцами: стрекозу – за хвост, а бабочку – в тот самый момент, когда она поднимет оба своих крыла и сомкнёт их вместе. Полюбовавшись, некоторое время, невероятным чудом природы, я также осторожно разжимаю свои пальцы, отпуская насекомое на свободу и долго провожаю взглядом, пока оно не исчезает из виду.

Кругом, куда бы я ни кинул свой взор, меня окружают густая зелёная листва и удивительно красивые цветы, источающие такой терпкий и сладостный аромат, что у меня начинает кружиться голова. И вот, тот самый момент, когда я, видимо, оторвавшись от группы, стою посреди этого великолепия: не слышно ни голосов ребят, ни гудков машин, никаких посторонних звуков. Только я и Природа. Останавливаюсь как вкопанный, сражённый красотой и необъятностью этого мира и, задрав голову кверху, устремляю свой взор в голубое бездонное небо. В ушах стоит какой-то тихий и непонятный звон. Вот он постепенно нарастает и усиливается, я начинаю чувствовать некую вибрацию: такое ощущение, словно в следующую секунду земля уйдёт из-под ног и что-то неведомое унесёт меня куда-то, в неизвестное. Мне становится одновременно страшно и жутко любопытно, однако, в последний момент, я внезапно встряхиваюсь, и – вновь, совсем близко от меня стоит воспитательница, а рядом весело кричат и смеются детишки.

Вот мне на руку села божья коровка. И я снова, осторожно и медленно подношу её почти вплотную к своему лицу, произнося заученной скороговоркой магическое заклинание:

*Божья коровка
Улети на небо
Там твои детки
Кушают конфетки...*

Ни на секунду не прерываясь, я повторяю бесконечно долго этот куплет, пока – наконец – насекомое не приоткрывает свои твёрдые, похожие на панцирь, крылья и не взмывает ввысь. Довольный и радостный, я заморожено провожаю её взглядом и, вскоре, забывшись, уже бегу к следующему кусту, где притаился майский жук – такой красивый, с темно-зелеными перламутровыми крылышками.

Почему-то, потом, когда я стану взрослым, этих жуков уже не станет. А может быть, они никуда и не исчезали? Может быть, просто, я перестал замечать их?

Детство и двор

«Меня зовут Гарик и родился я в Ереване.

Когда мне исполнилось 6 лет, я узнал, что я армянин.

Через три года мы переехали в Москву, где я стал лицом кавказской национальности.

Однажды на каникулы я поехал в Литву и там играл в футбол вместе с другими представителями русскоязычного населения.

Потом мы поехали в Америку, где меня почему-то стали называть русским.

Когда мне исполнилось 20 лет, я стал космонавтом и полетел на Луну, где встретился с представителями инопланетной национальности. И они спросили меня: «Кто ты?». Я попытался им объяснить, но они ничего не поняли и сказали:

«Давай мы будем называть тебя просто – Гариком.»

(Письмо-сказка, написанная ереванским мальчиком и зачитанное диктором программы «Время»)

Как до обидного мало, оказывается, сохранилось картинок детства! Тех, что являются самыми чистыми и светлыми. Не замутнённые ничем, никаким влиянием из мира взрослого, чужого и – как вскоре придётся убедиться – жестокого, полного лжи и коварства. Так хочется поглубже и понадёжней спрятать их от этого мира. Для того, чтобы иногда, когда уже совсем станет трудно дышать, нырнуть туда за очередной порцией кислорода. Я с удовольствием хотел бы там остаться, но, к сожалению, мне пока это не удаётся. Как тот ныряльщик, которого нужда заставляет в очередной раз погрузиться глубоко в воду, чтобы, получив со дна морского заветную жемчужину, поднять её с собою в тот мир, где она будет выменена на какие-то совершенно ненужные вещи, а кроме того, потускнеет вскоре и сама от прикосновения многих рук.

Эти картинки детства близки мне ещё и тем, что там нет ничего лишнего и непонятного: есть только светлая радость и тихая безмятежность. Там нет места никаким богам: нет ни Христа, ни Аллаха, ни Яхве, ни Будды...

Там не существуют ни русских, ни узбеков, ни евреев, ни таджиков...

Там нет ни белых, ни красных... Ни черных, ни цветных

Там есть только двое: ты и Вселенная. Такая же необъятная и свободная от любых условий, как и твоя изначальная душа, которая только-только осознала свою обособленность, отделившись от божественного источника, но ещё не успевшая запачкаться миром взрослого.

Двор. Наш милый добрый двор. Прости меня, пожалуйста, за то, что я вынужден, буду только вскользь «пробежаться» по тебе, хотя ты, безусловно, заслуживаешь отдельной большой книги. Ведь, я не свободен, а зажат рамками определённого жанра, и это обстоятельство не позволяет мне уделить тебе должного внимания. Я прекрасно понимаю тебя: ты дал нам всем поистине настоящее счастливое детство, сварив и сплотив в своём общем котле-пространстве очень многое, что на долгие годы потом выльется в тот основной стержень-фундамент, на котором будет возводиться всё остальное. И потому, вправе ждать от меня хоть какой-то благодарности, в виде отдельных воспоминаний.

Не волнуйся: за мною не заржавеет. Конечно же, вспомню!

Хотя, ты меня, недавно здорово расстроил...

Вероятно, права, все же, старая поговорка, гласящая: «В одну и ту же реку не войти дважды»...

Как-то, будучи в очередной раз в Бухаре, вместе со своими повзрослевшими детьми, я решил, во что бы то ни стало, показать им наш двор, в котором прошло моё детство: такое полное и насыщенное всевозможными играми.

Мне и раньше доводилось взахлёб рассказывать им о нём, о многочисленных друзьях, о невероятных историях и приключениях, а потому неудивительно, что дети не скрывали своей зависти к моему детству. А тут представилась возможность – увидеть своими глазами этот легендарный двор.

Пока мы шли, я прожужжал детям все уши, припоминая недосказанное или упущенное прежде. Глаза их светились весёлыми искорками и неподдельным восторгом – «поскорей бы взглянуть на месте на это чудо!»

Наконец, когда мы вплотную подошли к нашему старому дому, я внезапно смолк и, сбавив постепенно свои шаги, окончательно остановился, не в силах более сдвинуться с места: моему взору предстала совершенно чуждая картина.

Некогда живой неутомимый улей был безжизненно пуст и неузнаваем. Это был совершенно «мёртвый город» среди джунглей. Из всех жильцов, что жили прежде, я с трудом узнал тётю-Люду – мать моего товарища Серёжи – которая, из некогда живой и энергичной женщины превратилась в сгорбленную старушку.

Комок подступил к горлу. Я хотел плакать и рыдать. Было только одно желание: поскорее покинуть это страшное место и бежать! Мне сделалось ужасно стыдно перед собственными детьми, словно я их коварно обманул и предал. Словом, это была настоящая трагедия.

С тех пор, я обхожу свой бывший двор стороной. Все, что было связано с ним, останется только в моей памяти и моем сердце. И это – самое родное и близкое – я постараюсь запрятать как можно глубже в себя. Я не хочу более расстраиваться. Мне хочется вновь уйти в небытие только с этими немногими сохранившимися картинками моего далёкого детства.

Моя первая пасха

*«На золотом крыльце сидели
Царь, царевич, король, королевич...»
(Из детской считалки)*

Манзурка выбежала из соседнего подъезда как раз в тот самый момент, когда я поравнялся с ним. Лицо её излучало неопишемую радость и ликование. В каждой руке было зажато по цветному яйцу.

– Что это у тебя? – ошалело уставился я на этакое диво.

– Крашенные яички! – Она разжала кулачки и демонстративно подняла их на самый верх: на ладонях, протянутых к солнцу, ярко запыхали два яйца – одно красное, другое – оранжевое.

Я завистливо впился в них, не в силах оторваться от этого великолепия.

– Если хочешь, и тебе дадут – пожалела меня соседка. – Надо только сказать: «Христос воскрес – дайте одно яичко!»

Я не поверил своим ушам: «Только и всего?!»

– А где? – недоверчиво спросил я, на всякий случай.

– У тётки-Вали, на втором этаже.

В ту же секунду я метнулся в подъезд, торопливо перескакивая через ступеньки. В глубине души теплилась надежда, что и на мою долю должно что-либо остаться. Достигнув заветной двери, выждал немного и, отдышавшись, робко постучал в квартиру Давыдовых. Вскоре за дверью послышались шаги, затем звуки отпираемого замка и, наконец, дверь распахнулась. На пороге стояла Лариса, изумлённо уставившись на меня и как-то странно улыбаясь. Она была старше меня по возрасту, а потому круг её знакомых и интересов никак не пересекался с моими ровесниками.

– Чего тебе, Галиб? – выждав немного, спросила она.

И тут до меня дошло, что я напрочь забыл самое главное! Надо же: ведь, ещё с минуту назад повторял про себя эту «формулу-заклинание». И теперь стоял как дурак, глядя на соседку и хлопая своими ресницами. Однако медлить было нельзя и потому, набравшись смелости, я робко произнёс:

– Крест на крест – дайте одно яичко...

Не в силах сдержаться, Лариса прыснула и, повернувшись в сторону кухни, неожиданно засмеялась.

– Мама! – весело крикнула она вглубь квартиры. – Тут Галиб, «крест на крест», яичко просит!

«Ну, всё: не видать тебе никаких яиц! – сник я окончательно, жалея себя. – „Пароль“ не сумел запомнить».

И тут на пороге возникла добродушная и сияющая тётка-Валя. Она молча, по-матерински, чмокнула меня в лоб, и, тихо промолвив «Воистину воскрес!», протянула... целых три (!) разноцветных яйца: одно было такое же красное, как и у Манзурки, второе – голубое, словно небо, а третье – ярко жёлтое, как настоящее солнце.

Не помня себя от радости, я выскочил на улицу, дабы похвастаться своим «уловом» перед соседкой, но той уже не было: как назло, двор был пуст. Я задрал голову кверху и... замер. Во всем мире нас было только трое: голубое безоблачное небо, весело подмигивающее солнце и я, с крашеными яичками в руках.

Советское вавилонское столпотворение смешало всё и вся: пространство и время, границы и государства, народы и судьбы, вылепив, в конечном счёте, внешнюю идиллическую картину общества, которое в скором времени должно достигнуть своей конечной цели – коммунизма – где, наконец-таки, все люди станут братьями и сёстрами и где человечество обретёт долгожданный покой.

Улица 40-летия Октября, на которой находился наш дом, как бы условно делила город на две части: с одной стороны оставался старый город со всей его инфраструктурой (с многочисленными кварталами, обставленными глинобитными хижинами каркасного типа и знаменитыми древними памятниками архитектуры), являясь музеем-заповедником, а с другой – обустроивались новые микрорайоны с типовыми панельными блоками-коробками и широкими заасфальтированными улицами, по бокам которых росли молодые саженцы.

Нам повезло: наши дома были одними из последних, что явились плодами изысканий проектировщиков «до хрущёвской» эпохи. Потом уже такие дома строить было нерентабельно. Это были добротные двухэтажные кирпичные дома, которыми было застроено несколько кварталов.

Во дворе почти каждого из этих домов находился бетонированный круглый бассейн (пожарный хауз), диаметром 3 метра и примерно такой же глубиной. Почти все они были пусты и заброшены, заваленные всяким хламом и строительным мусором. И только в нашем дворе хауз соответствовал своему предназначению. По инициативе самих ребят, бассейн в кратчайшие сроки был вычищен от мусора. От каждой из квартир собрали взнос (по 1 рублю) и на вырученные деньги договорились с водителем поливальной машины, который сделал четыре ходки к нашему бассейну, доверху наполнил его водой, заработав 16 рублей.

Известный на весь город доктор Иосиф Рафаилович Альпер, которого мы все звали просто – дядя-Ёсик, позаботился о том, чтобы вода в хаузе непременно была обильно посыпана хлоркой, и наказал нам выждать три дня. Естественно, вся детвора уже на следующий день барахталась и плескалась в искусственном водоёме. Наши черные сатиновые трусы вмиг приобрели серовато-белёсый вид, но это была такая мелочь по сравнению с тем, что мы приобрели взамен, что даже смешно об этом вспоминать. Зато, через три дня вода в хаузе приобрела такой идеально голубой цвет, напоминая бассейны известных зарубежных кинозвёзд и миллионеров, и наш лягушатник в короткий срок стал предметом зависти соседних дворов.

Мы переехали в наш 16-ти квартирный дом в конце 1959 года, когда мне было два с небольшим годика. Почти вплоты к нам стоял ещё один 10-ти квартирный дом. Вместе два дома составляли единое целое, образуя собою букву «Г», упираясь одной своей открытой стороной в забор золотошвейной фабрики, куда мы совершали набеги по весне – воровать неспелый урюк (давчу), а другой выходил на широкий пустырь, служивший многочисленной детворе футбольным полем и площадкой для всякого рода игр.

Таким образом, двадцать шесть квартир, что составляли наш двор, по сути, являло собой СССР в миниатюре.

Сейчас, когда межнациональные и межконфессиональные конфликты достигли своей высшей точки накала, мне становится как-то по-особенному тепло и уютно, когда я вспоминаю наш двор и его обитателей. Жизнь моего поколения пришлась на период относительного затишья: страна, оправившаяся от недавней Великой Отечественной войны, жила в созидательном ключе. Мы первыми запустили в космос искусственный спутник, а вскоре в полет отправился и первый советский космонавт – Юрий Гагарин. Страна ликовала. Все были полны надежд на скорое счастливое будущее. Тем более, что сам Н. С. Хрущёв заверил нас, что коммунизм наступит уже при нашей жизни: ждать оставалось всего каких-то 20 лет. И, как бы в подтверждение этому, как-то по-особенному, ласково, тепло и радостно светило солнце, пробиваясь сквозь густую крону деревьев, отплясывая многочисленными своими лучами-зайчиками по всему нашему уютному двору. В атмосфере было разлито столько благодати и умиротворения, что

казалось, это будет продолжаться вечно. А может быть, это была просто очередная весна? Или потому, что мне повезло с детством: настоящим, полным и всеобъемлющим, насыщенным самыми разнообразными событиями?

Теперь, по прошествии более полувека, оглядываясь назад, в своё прошлое, я начинаю осознавать, что именно те самые первые 15 – 20 лет и сформировали по существу мой основной духовный стержень, что я пронёс через всю свою жизнь. Потому что, по большому счету, я, оказывается, нисколько с тех пор не изменился. Тем нежнее я отношусь к событиям моего детства, бережно сохраняя остатки своих воспоминаний и ревностно оберегая и пряча их глубоко в своём сердце, в своей памяти.

Наш двор был составлен из совершенно необычных и уникальных личностей, волею судьбы оказавшихся в Бухаре и успевших проникнуться ответной любовью к этому городу. Кто-то был выслан в наши края за своё вольнодумство, кто-то бежал от имевших место погромов, ну а кого-то судьба пощадила, эвакуировав в безопасный и гостеприимный уголок во время Великой Отечественной войны. Все они, очутившись на новой почве, обрели здесь свою вторую родину.

Это теперь, задним числом, пытаюсь вспомнить нации и народности, составляющие наш двор, я с удивлением констатирую, что он представлял из себя настоящий конгломерат различных народностей: узбеки, таджики, русские, евреи, татары, украинцы, белорусы, корейцы, иранцы, арабы, немцы, цыгане. А тогда... Тогда нам даже и в голову не приходило разделять друг друга по национальному или иному признаку. Правда, чтобы не лукавить, отмечу: да, многие у нас имели клички, порою довольно обидные, но они отнюдь никак не были связаны с национальностью конкретного человека. И если кого-то бывало, недолюбливали, то это было обычно связано с какими-нибудь негативными качествами, чертами характера которые осуждаются в любом обществе: жадность, скупость, лицемерие, эгоизм и т. д. Но, чтобы ненавидеть человека только за то, что он родился русским или узбеком – такого я не припомню. Я знал, что такие люди существуют на свете, но ничего, кроме жалости они во мне не вызывали, потому как такое явление всегда расценивалось как патология, а больных следует жалеть.

С малых лет, играя в общем дворе как «в одном общем котле», мы настолько крепко привязались друг к другу, что даже сейчас, спустя столько лет, разыскав кого-либо из знакомых моего детства, я с волнением отмечаю про себя, что то трепетное воспоминание, которое я испытываю к своему прошлому, одинаково дорого и моему знакомому, увлажняя обильно его глаза.

Возможно, когда-нибудь, играм нашего двора я посвящу отдельную книжицу, а пока всего лишь перечислю те, что сохранила память: ахрычки, рогатки, лянки, аккол-дукол, чеканки, лапта, классики, халохуп, казаки-разбойники, пятнашки, куликашки, камешки, айрам шум-шум, гургурак, гаранги («воздушные змеи»), трах-трах (или «войнуха»), джами, ножички, танки, футбол, гандбол, волейбол, баскетбол, регби, ватерпол, хоккей. Это то, что память выдала с ходу. А сколько игр, не имеющих названия, таких как, катание велосипедного обруча с помощью палочки-хворостины, ходьба на ходулях, всевозможные сражения, сидя верхом на товарище. Кроме того, следует особо отметить опасные игры: карбид и взрыв-пакеты, путешествие во времени и фокус с тремя спичками, лук со стрелами и оружие с «венгеркой».

Айрам шум-шум

*Детей надо баловать: только тогда из них вырастают настоящие
разбойники!
(из к-ф «Снежная Королева»)*

С новой игрой нас познакомила Таня, недавно возвратившаяся из «Артека». Переключившись с тёплого и ласкового берега Крыма на знойную и глущую почву Бухары, эта невинная артековская игра советских пионеров явно требовала доработок и усовершенствования. Что и было незамедлительно претворено в жизнь нашими сметливыми старшими товарищами.

Изначально её правила были достаточно банальны и скушны: водящему плотно завязывали глаза, ставили в центр хоровода и, под всеобщие бормотания («Айрам-шум-шум, айрам-шум-шум, арамийя бисила, бисила, бисила»), взявшись за руки, начинали медленно кружить вокруг несчастного, которому оставалось, наугад вскинув руки с галстуком вперёд, заарканить свою «жертву». После чего, «жертва» и водящий поворачивались спиной друг к другу (на достаточном расстоянии) и на счёт «раз-два-три» обязаны были повернуться лицом к лицу. Если оба участника синхронно разворачивались с одной стороны, то они обязаны были, чмокнув друг друга в щёчку, мирно расстаться. Если же поворачивались «вразнобой», то бывший водящий встраивался в общий хоровод, а на его место заступал «новичок».

Налицо – явный беспорядок.

Саша был лет на пять старше нас, а потому совершенно резонно предложил несколько усовершенствовать игру, с учётом, так сказать, бухарской специфики, а точнее – специфики нашего двора.

Во-первых: повязка на глаза совершенно излишняя вещь, позорящая доброе и светлое имя пионера, одним из качеств которого всегда являлась честность. Будет вполне достаточным полагаться на это качество. Это предложение было встречено с пониманием. Особенно мужским электоратом, которому не очень-то «светила» перспектива чмокаться с приятелем.

Во-вторых: целоваться следует «по-человечески», то есть, в губы. Женская половина смущённо молчала, что было справедливо всеми сочтено за согласие. Игра заметно оживилась, обретая с каждым днём новых поклонников.

Аппетит, как известно, приходит во время еды: следующее нововведение касалось продолжительности поцелуя. В ходе довольно бурного обсуждения, стороны, все же, пришли к взаимному согласию: было решено считать до десяти.

Ещё через какое-то время, тот же Саша счёл неприличным целоваться у всех на виду и предложил «идеальный» вариант: хоровод зрителей громко продолжает считать до десяти, но... уже повернувшись спиной к участникам эксперимента. Эта существенная поправка позволила снять скованность в отношениях, добавив игре шарма и своеобразного очарования. Игра постепенно приобрела сумасшедшую популярность, вытеснив такие игры нашего двора, как «казаки-разбойники», «догонялки» и всякие викторины.

И, тем не менее, один момент в этой игре нас явно смущал, а именно: как угадать с синхронностью разворота партнёров в предвкушении долгожданного поцелуя?

Но Саша не был бы Сашей, если бы не его смекалка: ведь не зря же он учился в институте.

– Надо встать плотно затылками друг к другу и взяться за руки – совершенно объективно и непредвзято заключил он.

Воцарилась тишина. Чувствовалось, что идёт интенсивная работа мозга.

И, буквально, в следующую секунду, лица всех участников заметно просветлели и оживились.

«Взяться за руку». Вот оно, то спасение, что даёт надежду, а вместе с ней и десятки способов и ухищрений для того, чтобы передать незаметный условный знак своему партнёру (партнёрше), начиная от постукивания, поглаживания и до обыкновенного лёгкого сжатия руки...

«Бедные артековцы!» – искренне жалели мы несчастных отличников и очкариков всего Советского Союза. – «Если б они только знали – насколько мы усовершенствовали эту настоящую пионерскую игру!»

Семья

Странно, но я никогда прежде не задавался вопросами: «Почему я раньше мог свободно общаться с совершенно любым человеком, не делая никаких религиозных, социальных и иных различий и не разделяя никого на „своих“ и „чужих“? Почему в последнее время я ловлю себя на мысли, что начинаю оценивать и классифицировать своего собеседника, относя его к той или иной категории? Почему я вообще стал бояться людей, предпочитая скорее соглашаться со всеми, лишь бы не обидеть никого и выглядеть вполне лояльным?»

Что это? Откуда оно взялось? Ведь, ранее я за собой ничего подобного не наблюдал?

Есть несколько объяснений этому и одно из них довольно существенное: я родился, жил и вырос в советский период. И этот факт не так-то просто сбросить со счетов. Во-вторых, среда, окружение, двор... Но начать, вероятнее всего, следует всё же с семьи.

С улыбкой представляю себе своего воображаемого биографа, который начал бы примерно так: «Он родился в старинной бухарской аристократической семье...»

И, непременно, тут же следует добавить про интеллигентность. Это обязательно!

Очень возможно, что всё это отчасти и так, но я постараюсь высказаться проще...

Да простит меня дорогой читатель, но по маминой линии наш род действительно принадлежит к одному из самых почитаемых родов, который принято называть как «ходжа». Термин этот употребляется достаточно часто и имеет несколько значений. Я попытаюсь в общих словах охарактеризовать одно из самых основных.

Согласно собственной идентификации, прослойка ходжей ведёт своё происхождение от самых благородных мусульманских родов. Существует огромное множество вариантов их генеалогии, среди которых чаще всего встречаются следующие: от четырёх праведных халифов (Абу Бакр, Умар, Усман, Али) или просто от арабских ходжей. В мире ислама прослойка ходжей занимает заметное место. Ходжи являются хранителями традиции, с ними считаются, и пока существует эта прослойка, религиозную и культурную жизнь общины практически невозможно искоренить.

Не случайно, во все времена власти опасались именно их, поскольку они являлись одной из наиболее образованной, мыслящей, а, следовательно, и самой опасной прослойкой мусульманского населения.

Мои предки всегда жили в своём родовом кишлаке, расположенном в 19 километрах к югу от Бухары, который так и назывался Ходжохо (множ. ч. от «ходжа»). Совсем рядом находится райцентр Жондор, по иронии судьбы в советское время переименованный в честь соратника Ленина – Свердлова. Таких совпадений будет ещё много, так что не стоит особо заострять на этом внимание.

Все мои предки обладали исключительными и необыкновенными способностями, которыми были наделены свыше, но особенно славились своим лечебным исцеляющим талантом. По сию пору в нашем доме жива ещё легенда, согласно которой мой пра-прадед обладал такой чудодейственной силой, что однажды посох, который старик с силой воткнул в землю, через короткое время пустил корни, превратившись в огромный и пышный тутовник. Говорят, что это дерево и сейчас продолжает благополучно цвести.

Мамин букет

Мама – учительница начальных классов

*Ма-ма мы-ла ра-му...
Это – мы-ло.
(Из Азбуки советских времён)*

Мама...

Всю жизнь она будет ассоциироваться с цветами, духами и... мылом. Сейчас попробую объяснить...

Мои родители поделят свою жизнь поровну: между семьёй и любимой работой. Так, если отец не мыслил себя вне стен родной редакции, то мама без остатка посвятит себя школе, являясь первой учительницей для многих детишек, которые учились в узбекских классах. Сколько поколений учеников, она научит читать, писать и считать за всю свою тридцатипятилетнюю трудовую деятельность, мне так и не удастся выяснить.

Зато, хорошо запомнился тот день, когда я впервые пошёл в первый класс.

Первое сентября 1964 года. Мы идём вдвоём: я и мама. Она держит меня за руку и рассказывает о предстоящей учёбе, о школьной дисциплине и о том, что теперь я уже совсем взрослый и, следовательно, вполне ответственный человек, который обязан отвечать за свои поступки. Под ногами, кое-где, попадаются жёлто-оранжевые листья. Меня ни на секунду не покидает праздничное настроение и радостное ощущение чего-то торжественного и очень важного, которое должно вот-вот свершиться. Запомнились белые мамины носочки и её жёлтые туфли. А ещё – мамины глаза. Они светились тихой радостью и переполнявшей гордостью за своего сына.

Мама могла совершенно легко взять меня в свой класс, став одновременно моей первой учительницей. Но, определила меня в русскую школу. И за это я ей буду благодарен на всю оставшуюся жизнь.

В отличие от своих коллег, она никогда не прибегала к указке, как к воспитательному оружию многих учителей, никогда не оскорбляла своих учеников бранными словами, не говоря уже о рукоприкладстве, что нередко имело место быть в обычных национальных школах.

Поэтому неудивительно, что, став уже совсем взрослыми и вполне состоявшимися личностями, многие из её бывших учеников будут навещать нас дома, чтобы выразить своей первой учительнице почтение и тёплые слова благодарности.

Но особенным днём в нашем доме был, конечно же, международный женский день 8-е марта. Во второй половине дня, когда мама возвращалась с работы, во дворе нашего дома можно было застать удивительную картину. Впереди, утопая в зелени бесчисленных букетов, идёт моя мама, а рядом, по обеим сторонам от неё, шествует почётный эскорт сопровождения, состоящий из её маленьких учениц, которых едва можно разглядеть из-за огромных охапок цветов.

Через минуту, вся наша квартира благоухала ароматами полевых цветов, тюльпанов и садовых роз, источая из себя терпкие запахи гиацинта и душистой сирени, гладиолусов и белоснежных лилий. Наконец, разобравшись с цветами, мама переходила к подаркам, которыми были набиты две огромные сумки, обтянутые кожзаменителем. В основном это были дешёвые духи «Кармен», «Гвоздика» и одеколоны «Шипр», «Тройной». Иногда попадались и «эсклюзивные» экземпляры, вроде «Красной Москвы» или «Ландыша серебристого». Наконец, на свет извлекался самый главный стратегический продукт – мыло. Туалетное и хозяйственное, с этикетками и без. Вскоре, на столе образовывался внушительный курган из различных брусочков и «кирпичей», который затем постепенно рассасывался, перебираясь в многочисленные шкафчики и полочки, заполняя собою всевозможные этажерки и сундучки.

Домочадцы же, прекрасно осведомлённые о том, что во многих семьях со скромным достатком, невероятным образом прочно закрепился в сознании ассоциативный ряд «учительница – знание – чистота – мыло» (тем более, что самое дешёвое мыло стоило 6 копеек), в этот момент испытывали двойственные чувства, подшучивая над мамой:

– Конечно: ходим, грязные и не мытые, вот и дарят нам мыло...

Естественно, больше всех смеялась мама...

Пройдёт немало лет. Как-то, будучи на пенсии, мама сунется за очередным куском мыла и... надолго застынет в изумлении: заветный ящичек окажется пуст.

И тут я вдруг замечу, как глаза её увлажнятся, и по щеке сползёт ностальгическая слезинка.

– Надо же! – тихо прошепчет мама. – До меня только что дошло: я поймала себя на мысли, что никогда в жизни не покупала мыла. Обыкновенного куска мыла!

И, в следующую секунду, взглянув на моё недоуменное и вытянутое лицо, она не сдержится и громко зальётся своим неповторимым смехом.

Немного о колоде и кочерге

Мне часто вспоминается моя бабушка, с худыми натруженными руками, сетью испещрённых, выпуклыми прожилками, вен. Теперь, когда её не стало, я все больше и больше осознаю и заново переоцениваю эту кроткую и до невозможности скромную личность. После неё мне более не приходилось встречать в своей жизни людей подобного типа. Да они и не вписываются в нашу сегодняшнюю действительность с её холодной расчётливостью и потребительством.

Даже, навещая свою дочь (мою маму), она умудрялась с собой в тряпочке принести немного мяса, дабы не обременять своим присутствием наш семейный бюджет.

Она вставала затемно, в пять часов утра и, приоткрыв дверь своей комнаты, садилась незаметно у окна и молилась.

«Рано утром ангелы разносят по домам благую долю („ризк“), которую важно не пропустить» – частенько говаривала бабушка. На всю жизнь западут мне в душу её слова, которые она, в свою очередь, слышала от своих родителей: «Сон – брат смерти».

Мне очень хочется верить, что там, на небесах, её душа сполна вознаграждена и кружится в восхитительном хороводе ангелов и херувимов. И, если не она, то кто же ещё?..

Сколько себя помню, почти всегда, придя домой к дяде, где проживала моя бабушка, я заставал её на кухне («ошхона»), где она постоянно что-то стряпала.

Помню, как я смеялся и искренне недоумевал, – почему она, сидя на корточках и поставив перед собой деревянную колоду («кунда»), рубит и измельчает специальным ножом («корд-и ош») мясо. Ведь, для этого специально люди давно уже придумали мясорубку, которая за считанные минуты перемолотит любое мясо? Но бабушка никогда не спорила. И продолжала методично и однообразно отстукивать и совершать, вошедшие в привычку, движения.

И даже потом, уже сидя за ужином и нахваливая изумительные по вкусу блюда, приготовленные искусными руками, я продолжал удивляться её терпению и усидчивости, не понимая самого главного – всё самое вкусное готовится исключительно вручную, и никакая мясорубка, никакой самый совершенный агрегат не в состоянии заменить собою обычные человеческие руки. Это до меня дошло позднее, когда мне перевалило за сорок.

И вообще, я обратил внимание, что почти все блюда бухарской кухни держатся исключительно «на руках» и это, конечно же, неудивительно. Традиции, особый многовековой уклад и преемственность в передаче опыта последующим поколениям не могли не наложить особый отпечаток на бухарцев во всем, не исключая и такую область, как кулинария. Здесь, пожалуй, наиболее ярко и рельефно ощущается и проявляется эта связь с предыдущими поколениями. Для этого достаточно будет войти практически в любой дом Старого города, где до сих пор можно увидеть на кухне многочисленную утварь и предметы, изготовленные кустарным способом. И все они находят своё применение в деле, а не лежат на полках как антиквариат.

Я очень сожалею, что очень поздно стал проявлять интерес к подобного рода вещам. Потому, что сейчас в молодых семьях многое из того, что осталось нам в наследство от наших бабушек и дедушек, стало постепенно вытесняться предметами и агрегатами современной промышленности. Нет, я не за возврат к прошлому и техническая революция не будет стоять на месте. Это понятно. Как понятно и то, что с исчезновением старинной утвари, предполагающей со стороны человека личное участие и заменой ее новейшими технологиями, ради экономии времени и дешевизны труда, без сомнения мы теряем нечто более ценное, чем просто «бабушкина колода» или «дедушкина кочерга».

Вот почему я радуюсь тем небольшим «островкам», которые остались не завоёванными научно-техническим прогрессом. Рискну даже произнести крамольную мысль, что закралась мне в этой связи в голову: мне кажется, что каждое новое достижение научно-технического

прогресса (пылесос, стиральная машина и т. д.), привнося в наш дом облегчение, одновременно также способствует притуплению приобретённых, в своё время, полезных навыков и ведёт к лени всего организма, расхолаживая и приводя в отдельных случаях к полной и окончательной деградации личности. В итоге, человеку лень не только пошевелить рукой, но даже собственными мозгами.

А последние также нуждаются в некотором упражнении, дабы мы не потеряли окончательно способность правильно думать и мыслить.

По отцу же, можно сказать, наш род происходит от сейидов – (араб. – вождь, господин, глава) почётный титул у мусульман для потомков пророка Мухаммада (сас), но это, конечно же, не так. Хотя, по одной из сомнительной версий, наш род ведёт свою генеалогию от учителя Баховаддина Накшбанди – Амира Кулола.

Наша фамилия объясняется достаточно просто. В советское время жить без фамилий и без паспорта было не только невозможно, но и безнравственно, аморально и даже преступно. Что же придумали большевики? А ничего особенного: имена всех старших членов и глав семей просто превратили в... фамилии. Таким образом, проблема в одночасье была снята с повестки дня и все, чьи деды звались Юсупами, отныне стали именоваться Юсуповыми, Ахмады – Ахмадовыми, Махмуды – Махмудовыми и так далее. Так мы и стали Саидовыми.

Как известно, самое трудное – писать о своих. Сложно оставаться беспристрастным, когда дело доходит до родных и близких. Какой уж тут, к черту, объективный взгляд; разве могут иметь хоть какие-либо недостатки и изъяны наши папы, мамы, бабушки и дедушки? Бред, да и только.

И, все же, я рискну совершить робкую попытку – представить, насколько это возможно, со стороны биографию своих предков. Вернее, даже не биографию, а некоторые фрагменты и обрывки из баек, что имеют место быть почти в каждом доме.

Мой прадед был репрессирован и умер в тюрьме Занги-Ато (под Ташкентом) в 1938 году. При каких обстоятельствах он умер и где похоронен – неизвестно. Известно только, что его сын кори-Ахад встречался с сокамерниками прадеда: они показали сыну могилу отца (скромный холмик без каких-либо опознавательных табличек), над которой была прочитана молитва и передали ажурную тонкую накладку в форме круглого орнамента, сделанную из серебра и украшавшую некогда верхнюю часть футляра (носкаду) для хранения среднеазиатского табака (носвой). Кори-Ахад признал эту вещь и сохранил её как память об отце (нишона).

На оборотной стороне этой фотографии рукою моего прадеда Саида карандашом сделана запись арабской вязью. В пронумерованном порядке перечислены все члены семейства. Удалось прочитать текст полностью. Первый справа внизу – мой папа – Саидов Бахшилло Абдуллаевич в 7-летнем возрасте (1925—1991). Но правильнее, пожалуй, будет начать моё повествование не с прадеда, а с его отца, то есть прапрадеда, которого звали Юсуф.

Юсуф

О прапрадеде информации накопилось совсем немного, однако, и то немногое, что удалось узнать, завораживает своей поистине мистической историей, и, отчасти, проливает свет на некоторые традиции нашего рода, поддерживаемые многочисленными потомками и по сей день.

Достоверно можно утверждать только то, что родился он в первой половине XIX-го столетия, приблизительно между 1835 – 1845 годами. Каков был социальный статус семьи, где родился Юсуф, нам неизвестно, но уже к 20 -25-ти годам он сам становится отцом семейства и, судя по тому общеизвестному факту, что где-то в 1870 – 1875 годах он покупает дом (который и по сей день стоит и входит в число старинных домов, охраняемых государством) и нанимает для росписи главной залы художников (что мог себе позволить не каждый рядовой горожанин), можно смело сделать вывод, что происходил он далеко не из бедной семьи.

Семейное предание гласит: мой прапрадед Юсуф долгое время не мог обзавестись потомством – дети рождались, но постоянно умирали, не достигнув и года. Это было довольно частым явлением в Средней Азии с её высокой детской смертностью и уровнем тогдашней медицины, растерявшей, к тому времени, свою былую славу и утратившей многие старинные методики и разработки.

И вот, когда он уже был на грани своего отчаяния, на его жизненном пути встретился святой старец (пир), который и дал Юсуфу своё благословление. В знак благодарности, прапрадед дал обет, заключающийся в намерении, что, если у него родится наследник, то семь поколений будут совершать ежемесячный ритуальный обряд, именуемый как «хатми ёзда» или ещё иначе «хатми пир», прославляя Аллаха и воздавая благодарные молитвы-поминания за упокой праведной души святого, его учителей и всего его рода.

Общеизвестно, что во многих богатых семьях, окружённой всяческой заботой и негой, дети, тем не менее, довольно часто умирали. В то время, как дети бедняков могли чуть ли не с пелёнок босиком ходить по снегу и «умудрялись» при этом не только не умереть, но и не заболеть. В связи с этим у каждого народа на сей счёт имелись свои приметы и обычаи. В конкретном случае это выглядело так:

Чтобы ребёнок, родившийся в богатой или состоятельной семье не умер, его сразу же после родов отдавали в бедную семью, а по истечении некоторого времени (возможно, нескольких месяцев) вновь выкупали у неё собственного же ребёнка, проколов ему предварительно ушко и повесив на него обычное медное колечко. Смысл понятен и, полагаю, не требует особых комментариев.

Не домысливая от себя (то ли так посоветовал моему прапрадеду старец, то ли – по общему принятому в то время преданию), могу сказать лишь, что при рождении очередного ребёнка (моего прадеда – Саида), Юсуф поступил именно таким образом.

По воспоминаниям моей тётки (Робии) и отца (Бахшилло), они часто, сидя на коленях у своего деда (Саида), играли с его простым круглым колечком, проколотом в раннем детстве в правом ухе – признак раба божьего (куль). Этим объясняется одна из приставок к имени прадеда – Саид-куль.

Вот, пожалуй, и все, что касается моего прапрадеда Юсуфа. Можно только добавить, что вероятнее всего у него имелась ещё и сестра (возможно жила в квартале Суфиён). По воспоминаниям тётки-Робии, она неоднократно бывала в доме, и прадед Саид звал её «амби суфиёни». Это все, что я могу сказать о прапрадеде.

Саид

Прадед Саид с потомством. Бухара, 1932 г. Фото из семейного архива автора.

О прадеде Саиде (от которого и произошла наша фамилия – Саидовы) информации накопилось немного больше.

Здесь я вынужден сделать отступление с тем, чтобы высказать своё мнение, касающееся экскурса в прошлое и родословных в частности.

Не секрет, что с распадом Советского Союза и обретением своей независимости её бывших республик, во всех странах ближнего зарубежья, да и в самой России активно пошёл процесс самосознания своей нации, её истинной истории, культуры и так далее. Одним словом – пошёл процесс обратный тем целям и задачам, что были провозглашены на XXVIII съезде КПСС.

Вполне естественным на этом фоне выглядел интерес простого народа к истории своей страны, города и, в конечном счете, своей семьи. Нам вдруг всем надоело быть «Иванами, не помнящими своего родства». Посырав пионерские галстуки и комсомольские значки, и демонстративно сжигая свои партбилеты, мы сломя голову кинулись в храмы, мечети и синагоги, вспомнив «вдруг», что мы «некрещёные», «необрезанные» и т. д. и т. п. И если раньше, мы с презрением смотрели на человека с примесью «буржуйской» крови, то сегодня с не меньшим остервенением принялись копаться в архивах и библиотеках, чтобы найти хоть малую каплю этой самой крови, поскольку это, оказывается престижно и возвышает тебя над окружающими.

Нет, что ни говори, но все мы – дети страны Советов! Настолько глубоко и сильно въелась эта система в нашу жизнь, в наше сознание, в нашу кровь и плоть, что, в конечном итоге, оказав своё пагубное влияние на все наше мировоззрение, она способствовала тому,

что мы в основной своей массе утратили главное – элементарную культуру. Культуру вообще, какую бы область человеческих отношений ни взять!

Теперь, куда ни кинешь взгляд, одни князья да графы. Ну, на худой конец, барон.

Заказать себе герб? Нет ничего проще – надо только раскошелиться. То, что покупаются звания, чины и подделываются родословные – этим сейчас никого не удивишь. Из одной крайности мы кинулись в другую. Впрочем, что ещё можно было ожидать от вчерашнего пролетария, наивно доверившегося бессовестным политикам, которые не только нарисовали в его бедном воображении бредовую сказку о всеобщем равенстве и братстве, но и убедили этого гегемона в том, что именно он и будет являться истинным героем и хозяином на Земле. В результате, добросовестно донося на вчерашних притеснителей (а также и друг на друга), клянясь в верности вождям мировой революции, эта значительная прослойка активно способствовала методичному истреблению лучшей части собственного народа, ассимилируя генофонд нации своей кровью и отравляя новое подрастающее поколение своим сознанием, приведя, в конечном счёте, его к теперешнему моральному облику.

Одно время, то же самое наблюдалось и в Средней Азии, в частности в Бухаре. Кого ни спросишь, – выясняется, что его прапрадед был кози-калон (Верховный судья) в Бухарском Эмирате. Хорошо, что ещё хватало совести и разума не посягнуть на должность Кушбеги (Министр) и самого эмира Алим-хана.

Возвращаясь в русло нашего разговора, могу лишь отметить, что мои предки являлись самыми обыкновенными бухарцами, со всеми присущими – как и всем людям – недостатками и достоинствами. К числу последних, коими обладал мой прадед Саид, следует отнести: образованность и исключительная начитанность, благородство и великодушие, доброжелательность и гостеприимство, что, впрочем, являлось отличительной чертой подавляющего населения некогда прославленной Бухары. Не случайно одним из распространённых эпитетов этого города служит эпитет «Бухоро-и-Шариф», то есть «Благородная Бухара».

Вообще, как мне удалось узнать из разных источников, прадед мой являлся уникальной личностью, поскольку был одарён множеством талантов. Среди них, в первую очередь, следует отметить его познания в области медицины: он был неплохим лекарем (табиб) и у него дома хранились древние книги по медицине (которые после его ареста будут изъяты работниками НКВД). По воспоминаниям моей тёти-Робии, в зимнюю пору, во время стирки, прадед, из каких-то, одному ему ведомых, снадобий, скатывал маленькие тёмные кружочки, похожие на тесто и давал их принять своим невесткам с тем, чтобы они во время стирки (а стирка, в любое время года, происходила во дворе дома) не простудились.

Помимо медицины, прадед Саид неплохо разбирался в музыке и литературе, был неплохим шахматистом. Одним из его постоянных друзей являлся известный в интеллигентской среде города Мукомил-махсум, который (по одной из версий) приходился родным дядей со стороны матери (тагои) небезызвестному по историческим учебникам Файзулле Ходжаеву.

По описаниям очевидцев, когда Мукомил-махсум и его жена, которую звали Мусабийя, приходили в гости к прадеду, в доме всегда царил возбуждённо-торжественная атмосфера. Со стены снимался тар (музыкальный струнный инструмент), на котором, кстати, прадед весьма недурно играл, и вся атмосфера внутреннего дома (даруни хавли) наполнялась мелодиями и песнями шашмакома. Затем декламировали по очереди стихи Хафиза, Руми и Саъди. Иногда играли в шахматы. Одним словом, умели наши предки с чувством, толком и с пользой проводить свой досуг.

Ниже, мне хочется привести две истории, сохранившиеся в памяти более старшего поколения, которые помогут читателю раскрыть некоторые черты характера и дать представление о моих предках под несколько необычным ракурсом. Итак,

История куропатки

В раннем детстве у моего прадеда Саида была куропатка. Да, да – обыкновенная живая куропатка, за которой он трепетно ухаживал: чистил клетку, кормил, вовремя менял для неё воду.

Так уж, случилось, что однажды она «умудрилась» вырваться из клетки и улетела: то ли дверцу забыли закрыть, то ли ещё по какой причине...

Шестилетний мальчик, коим на тот момент являлся мой прадед, этот факт воспринял как настоящую трагедию. Горе ребёнка было безутешным.

В 70-х годах XIX столетия отец ребёнка (мой прапрадед Юсуф) купил дом и для росписи главной залы нанял мастеров по живописи и миниатюре, которые принялись расписывать стены и ниши согласно канонам и требованиям живописи своего времени.

Прадед Саид помогал мастерам по мере сил своих: он держал баночки с разведёнными красками и, по требованию мастеров, подавал и менял их. При этом он продолжал плакать и сокрушаться о своей невосполнимой потере. Тогда один из мастеров, желая хоть как-то утешить мальчика, сказал ему:

– Не надо плакать. Хочешь, я сейчас-же верну твою любимицу в дом? – и в ту же минуту принялся писать изображение куропатки, которую разместил в левой части центральной ниши. А чуть позже, для уравнения композиции, пририсовал справа и ласточку.

С того времени прошло почти полтора столетия. Прадеда моего давно уже нет на этом свете, а куропатка всё ещё продолжает красоваться на прежнем месте, воскрешая к жизни трогательную и печальную историю относительно недавнего прошлого и навевая на грустные философские мысли о бренности человеческого существования...

История невесток

Если первая история умиляет своей трогательной наивностью, то вторая заставляет нашего читателя в некотором роде пересмотреть свои стереотипы, касающиеся Востока и восточной женщины в частности.

Достоверно известно, что у прадеда Саида было четверо детей: трое сыновей и одна дочь Адолат, которая умерла молодой в возрасте 27 лет. Имена сыновей также начинались на букву «А». Старшего звали кори-Ахмад, среднего – кори-Ахад и младшего – просто Абдулло-махсум. Приставка «кори» означала, что обладатель сей приставки в совершенстве владеет Кораном и, естественно, знает его наизусть. Можно себе представить, как высоко чтили в такой семье моральные и нравственные ценности ислама. В описываемый период все трое сыновей были уже женаты и, следовательно, у прадеда было три невестки. Если старшая из них была уже, что называется, с опытом: знала все тонкости этикета, правила ведения домашнего хозяйства и вообще вела себя сдержанно, то младшие невестки считали, по-видимому, что ещё можно позволить себе кое-какие шалости и некоторую вольность в своих поступках. Особенно ярко эти качества были выражены в характере самой младшей невестки, то есть моей бабушки. Благо родом она была горной таджичкой (куистони) и, вероятнее всего, кровь вольнолюбивых горцев никогда не остывала в её венах.

Среди многочисленных ремёсел, коими в совершенстве владел мой прадед Саид, следует упомянуть ещё одно – виноделие. В верхней части дома (боло-и-хона) хранились многочисленные глиняные кувшины (хум) с приготовленным вином (май) и различными напитками (шарбат).

Однажды, когда прадед, по обыкновению, в очередной раз молился в квартальной мечети «Дўст-чурогоси», что находилась прямо напротив дверей дома, до его слуха донеслись крики невестки (моей бабушки). Надо ли объяснять, что такой проступок по всем нормам шариата и правилам мусульманского общежития мог расцениваться только как неслыханная дерзость и чуть-ли не вызов обществу. Не говоря о том, что честь семьи была крепко подорвана. Поэтому прадеду пришлось прервать молитву и срочно возвратиться домой, дабы выяснить причину случившегося.

Оказалось, что обе младшие невестки прадеда, пробравшись в верхнюю часть дома и, перепробовав по глотку из каждого кувшина, прилично захмелели. Самую младшую невестку так захватил кураж, что она стала бить ладошками в стены дома и, притоптывая и смеясь, кричать: «Дузд даромад, ду-узд!!» («Воры зашли, во-оры!!»)

За эту провинность прадед наказал невестку по всей строгости: он запретил ей выходить из своей комнаты и на неделю запретил носить ей обед. Тем не менее, средняя невестка из жалости и солидарности, тайком от домашних, потихоньку носила «передачи» моей бабушке.

Абдулло

Дедушка Абдулло

Как это ни странным может показаться со стороны, но о дедушке своём я знаю меньше, чем о прадеде. И это несмотря на то, что я его хорошо помню, ведь когда он умер, мне было

уже почти десять лет. Особенно запомнилась его щетина, шершавая и неприятно колючая, чего не скажешь о самом дедушке: это был чрезвычайно беззлобный добродушный человек, у которого улыбка почти не сходила с лица. И если он смеялся, то смех у него выходил тихий, почти беззвучный, как бы про себя, и только часто-часто вздрагивающие плечи и кольхающийся живот выдавали его в тот момент. Казалось, ему абсолютно ни до чего нет дела, словно он случайно попал в этот мир, и удивляется тому, как копошатся вокруг люди, озабоченные и с серьёзным видом обсуждающие свои ежедневные проблемы, о которых совершенно и не стоит говорить. Даже, когда после смерти прадеда окружающие указывали на то, что нужно оформить документы дома на себя, он смеялся и говорил: «А кому это надо? Здесь и так меня каждый человек в округе знает». И был прав, поскольку «слава» за ним была прикреплена, как за чудаковатым и несколько странноватым типом.

К примеру, он мог, обильно накрасив сурьмой глаза, и сев на суфу рядом с домом, «строить» глазки проходившим по улице ошарашенным женщинам, которые не знали – как на это следует реагировать. Или же, сидя спокойно и неподвижно продолжительное время, он «вдруг» резко вскакивал с возгласом: «Ё Рабби!» (О Господи!). Происходило это именно в тот момент, когда мимо него проходила ничего не подозревавшая молодая женщина (ну что можно было ожидать от смиренно греющегося на солнце старика?). Реакции дедушкиных «жертв» были самыми различными, но все они обходились без «скорой помощи». Домашние обсуждения его поступков постоянно сопровождалось взрывом негодования и осуждения со стороны бабушки и с не меньшим взрывом хохота со стороны остальных домочадцев. Сам же виновник сидел, низко потупив голову, с чувством вины и казалось, каялся и плакал. И только присмотревшись поближе можно было заметить слегка вздрагивавший как холодец живот и глаза, полные слез. Но, судя по озорным огонькам в глазах, можно было с уверенностью заключить, что то, были не слезы раскаяния.

Впрочем, и до настоящих слез его тоже можно было довести легко. С этим успешно справлялся его сын (мой отец). Просто, как и у каждого нормального человека, у дедушки было своё слабое место. И этим слабым местом был... его отец. Вернее, упоминание об отце. Но проходил этот номер только после нескольких стопок, распитых вместе с сыном. Мой отец работал в редакции, которая, находилась недалеко от дедушкиного дома, и поэтому обедать папа приходил к своему родителю. Тот заранее ждал своего единственного сына, приготовив предварительно плов и поставив заранее водку в морозильник. И вот, после двух-трёх стопок, отец, как бы случайно и незаметно сводил тему обсуждаемой беседы в «нужное русло», вспоминая о том, «каким хорошим, трогательным и удивительно заботливым был у него дедушка» и т. д. и т. п. Дедушка в таких случаях не заставлял себя ждать: слезы искреннего раскаяния, текли по щекам шестидесятипятилетнего старика, и их нельзя было остановить. При этом, дедушка сидел совершенно точно так же, как давеча, когда его ругали, и точно также сотрясалось его тело, и точно также «ходил» его живот, но при всем этом разница была очевидна: перед вами сидел глубоко скорбящий по своему отцу человек, несчастный и чересчур остро осознающий свою вину перед родителем. Всем взрослым вокруг почему-то делалось смешно и весело. Отца это забавляло, и он смеялся со всеми. И только мы – маленькие дети – разделяя дедушкино горе и желая хоть как-то помочь ему, умоляли нашего отца замолчать. В конце этого спектакля дедушка незаметно для себя и окружающих тоже переходил на смех, что делало финал весёлым и оптимистичным.

Удивительное дело! Но это же самое «оружие» потом так же исправно работало и против самого нашего отца, когда дедушки не стало. Только на месте дедушки сидел мой отец, а «заправлял» всем ходом пьесы уже мой брат. Либретто же и фразы оставались прежними. Что значит сила классики!

Прошло уже более четверти века с тех пор, когда дедушки не стало, но я, почему-то, до сих пор хорошо и отчётливо в деталях помню тот день – 11 марта 1967 года. Меня разбу-

дили очень рано, было ещё темно. Отец с мамой о чем-то тревожно перешёптывались, собирая в узел какие-то вещи. Какая-то тяжёлая и мрачная атмосфера царил в доме, и на душе мне было неприятно. Потом, уже в дедушкином доме, я помню множество знакомых и незнакомых мне людей со скорбными лицами. Помню женщин в белых платьях с белыми же косынками (традиционный траурный цвет), стоящих и причитающих в отведённой для них части дома. Помню, как я со страхом подошёл к окну, за которым лежал завёрнутый в саван мой дед.

А ещё очень хорошо помню, как бабушка подходя ко мне, всё говорила: «Плачь, твоего дедушки больше не стало. Плачь, ну почему же ты не плачешь?» Мне было стыдно, что в такой день я не плачу вместе со всеми, но я ничего не мог с собой поделать. В горле стоял какой-то большой ком и мешал мне плакать.

И ещё один фрагмент стоит перед глазами: когда дедушку опускали в могилу, отец, вытирая платком слезы, как-то сосредоточенно смотрел, словно отмечая для себя – правильно ли кладут могильщики тело деда и удобно ли будет последнему там лежать.

Бахшилло

Отец. Фото нач. 50-х гг XX столетия. Из личного архива автора.

Мой отец поровну поделил свою жизнь между семьёй и не менее родной его сердцу редакцией «Бухоро хакикати» («Бухарская правда»), которой он отдал более 30 лет своей жизни, проработав в ней сначала в должности ответственного секретаря, а затем заместителя редактора этого главного рупора местного обкома партии.

Назвать его высококлассным репортёром или известным журналистом я бы, всё же, поостерегся, хотя на лацкане его пиджака постоянно красовался значок – члена союза журналистов СССР, которым он, кстати, очень дорожил, хотя и старался не показывать виду. Зато он был, что называется, настоящим газетчиком и очень гордился этим. То есть, он был тем ремесленником (в лучшем смысле этого слова), который умел и любил «делать» газету. Ни одна полоса не попадала в окончательную вёрстку, не пройдя отцовской правки.

Следует отметить, что в советскую эпоху очень тщательно следили не только за грамматическими и орфографическими ошибками, которые в иные времена могли стоить места, а иногда и головы (знаменитое «главнокомандующий», с опущенной буковой «л» и т. п.), но и за политкорректностью. Важность цензуры невозможно было недооценивать ибо, этой адской машине в «брежневские» времена не могло ничто противостоять. Не менее важны были нюансы совершенно иного характера, а именно: в каком порядке следует перечислять в газете фамилии членов Политбюро ЦК КПСС, какую фотографию помещать на «главную», как быть, если главных новостей сразу несколько и ещё многое другое. А поскольку, «мышинная возня» в Кремле никогда не затихала, то и угадать – как правильно «расположить фигуры» – было под силу далеко не каждому. Здесь требовался аналитический склад ума и немалое мужество – возложить на свои плечи серьёзную ответственность за принятое решение с тем, чтобы затем держать ответ перед идеологическим отделом ЦК.

Сейчас, вероятно, это может лишь вызвать снисходительную улыбку у молодого поколения, малознакомого с многочисленными тайными пружинами, приводящими в действие огромный и чётко отлаженный механизм советской бюрократической машины, однако в опиываемую эпоху, поверьте, было далеко не до смеха.

Как правило, в подобных случаях все происходило по строго утверждённому сверху сценарию: Москва отсылала «правильный текст» в редакции республиканских газет, а те, в свою очередь, спускали окончательный вариант уже в областные редакции. Вследствие этого, выход тиража иногда задерживался до полудня, а то и до вечера. А это уже было, чуть ли не ЧП. В исключительных случаях, иные руководители брали на себя ответственность, принимая окончательное решение, а затем с ужасом ждали развязки, гадая – «правильно ли я поступил, или нет».

Насколько мне припоминается, отцу не раз приходилось играть в эту «советскую рулетку». Возможно, он и в самом деле был неплохим аналитиком, поскольку все его инициативы заканчивались с благополучным исходом. Папа, порою, гордился в узком семейном кругу, что обошёл республиканскую газету «Правда Востока», которая ждала разъяснений из Москвы.

Редакция была его вторым родным домом: отец мог там задерживаться допоздна, пока не устранялись все проблемы. Прекрасно зная его неподкупный характер, молодые сотрудники, все же, были в курсе насчёт одной – единственной – его «слабости» – папа не прочь был расслабиться после тяжёлого трудового дня и потому, улучшив момент, они приглашали его в кафе, находившееся рядом с редакцией, где угощали «столичной» или же коньяком. После чего, изрядно захмелевшего, провожали до дому. Благо, мы жили в двух шагах от редакции.

Невероятно скромный, тихий и неприметный в быту, папа в такие минуты сильно преоблажался: видимо сказывались напряжение и усталость. Едва его нога ступала на территорию нашего двора, как мы (я или брат) со всех ног мчались уже «на перехват», поскольку его громкая ругань и мат оглашали всю округу, и слышны были далеко, вызывая понимающие улыбки на лицах наших сверстников. В такие минуты нам становилось ужасно стыдно и мы, подбежав к сопровождающим его коллегам, благодарили их, брали отца под руку и, всячески пытаясь успокоить, сопровождали его по скорее домой. Отец ни в какую не соглашался, отпускать своих коллег, поскольку это противоречило понятиям восточного гостеприимства. Однако, «гости», прекрасно понимая создавшуюся ситуацию, под всяческими благовидными предлогами стара-

лись уклониться от назойливого приглашения, обещая, что «завтра уж, они непременно посетят столь гостеприимный дом».

Так как по гороскопу папа был «львом», то, едва переступив порог квартиры, он оглашал его своим грозным рыком, напоминая домочадцам – кто в доме хозяин. Это одновременно и смешило и бесило домашних, прекрасно знавших мирный характер отца. Родные давно призывали к подобным картинам, поскольку со стороны выглядело это совершенно беззлобно и – я бы даже сказал – уж слишком нарочито. Да и сам отец, в таких случаях, старался не смотреть в глаза своей «жертве», поскольку в глубине души он жутко стеснялся своего состояния. Иногда, в короткие минуты отрезвления, видя, что это нас только забавит, он и сам широко растекался в улыбке, однако через короткое время чересчур большая доза алкоголя все же заявляла о себе, вновь отбрасывая его в состояние опьянения, заставляя снова «отчебучить» этакое, от чего мы снова хватались за животы.

Наутро же, насупив свои густые мохнатые брови и изобразив на лице хмурое выражение, он как можно скорее торопился на работу, стараясь ни на кого не смотреть, чувствуя вину за вчерашнее и явно терзаясь угрызениями совести.

Главный коридор, проходивший по центру здания редакции, строго делил «узбекскую» газету от «русской». Однако деление это было чисто условным, поскольку атмосфера в коллективе была очень демократичной, что, впрочем, всегда являлось одним из важных факторов, отличающих по-настоящему профессиональные и творческие издания от остальных. Коллеги уважали и ценили коллегу не только за его жертвенность и самоотдачу, но и за его шутки и остроты, байки и анекдоты (порою, довольно пикантного содержания), за забавные истории и курьёзы, случающиеся в журналистской практике и которые, как правило, можно услышать только в редакционной «курилке». Словом, он жил и дышал своей работой, находясь среди таких же единомышленников, как и он сам, беззаветно и преданно любивших своё дело и не представлявших себе иной профессии.

Когда же отцу доводилось бывать дома, мама незаметно старалась отключить розетку телефона. Впрочем, случилось подобное, по-моему, лишь однажды. Папа пришёл в неописываемую ярость и очень грубо отчитал маму. Такие сцены были нетипичны для нашей семьи, а потому так запали мне в душу.

По любому пустяку ответственный или дежурный редактор мог позвонить к нам домой, чтобы справиться у отца – как поступить в том или ином случае. И отец терпеливо все объяснял. Иногда звонок будил всю нашу семью в три часа ночи. В такие минуты, отец вначале выяснял – какова ситуация, пытаясь выправить все по телефону. Не раз бывало, что он раздражённо швырял тяжёлую чёрную трубку, одевался и, матерясь про себя, спешил в редакцию.

Однако, наиболее всего отец запомнился мне сидящим за столом и пишущим очередную передовицу, очерк или фельетон. Отсчитав несколько чистых листов формата А-4, он бережно укладывал их слева от себя и, положив перед собой первый чистый лист, долго смотрел на него, мучительно терзаясь мыслями. Наконец, он бросал ручку, вставал и начинал нервно ходить вокруг стола. В такие минуты я старался молчать, поскольку чувствовал, что там, в голове совершается какой-то неведомый мне, но важный мыслительный процесс, которому не следует мешать. Затем он также внезапно садился и начинал строчить. Рядом лежали толстые папки, в которые он иногда заглядывал для того, чтобы найти и сверить те или иные данные или цифры.

Порою, он радостно вскакивал с места и громко звал маму, чтобы поделиться с ней своей неожиданной литературной находкой. Мама неизменно поддерживала и сдержанно хвалила даже тогда, когда не понимала – о чём идёт речь. Папе этого вполне было достаточно. Найдя какую-нибудь удачную метафору или необычное обыгрывание слов, он радовался своей находке словно ребёнок, целый день, находясь в приподнятом настроении. И мы – его дети – радовались вместе с ним.

Справедливости ради, следует отметить, что в жизни отца бывали и периоды, когда он отчаянно и порою безрезультатно терзался муками, но уже не творческого, а совсем иного характера. Обычно, это было связано с предстоящими красными датами в советском календаре. И, если с Первомаем или днём 7 ноября было более-менее понятно, то с некоторыми другими – казалось бы, менее важными – отцу приходилось несладко. Не раз бывало, что он окончательно терял самообладание, бросал к черту ручку и в изнеможении опускался в кресло или на диван. И ведь, было отчего.

Об одной такой истории, связанной с приближением праздника, посвящённого образованию СССР, полагаю, рассказать будет совсем нелишне. Это даже нельзя назвать историей, потому что подобная «головная боль», знакомая журналистам советских времён, неизменно наваливалась каждый год, аккурат под самый новый год, а точнее – 22 декабря.

Советский пасьянс

Как известно, в 70-е года XX столетия противостояние двух мировых систем – капиталистического и социалистического – достигло своего наивысшего накала. Каждая из сторон старалась доказать своё превосходство, опираясь для наглядности на достижения в различных областях жизни: начиная от бомб, ракет, космонавтики и заканчивая спортом и всеобщим благосостоянием народа. Правда, если относительно объективности первых показателей мы ещё могли не сомневаться, то в отношении последнего пункта нам оставалось лишь всецело доверяться своим же средствам массовой информации, поскольку для подавляющего населения Советского Союза – съездить, посмотреть и сравнить, как живут «они» и как существуем «мы» – было делом далёким от реальности. Одним из главных наших козырей, свидетельствующих о «неоспоримом» превосходстве социалистической системы над «гнилым западом», являлось то, что в государственном управлении страной у нас были задействованы практически все социальные слои общества, начиная от генерального секретаря и кончая самой обыкновенной дояркой. До такого уровня капиталистам, конечно же, было далеко.

Теперь становится немного понятным, почему все газетчики страны в ужасе хватались за голову, ибо прекрасно представляли себе – какой сложнейший, по сути, кроссворд ждет их в преддверии наступающего праздника...

Уже с самого утра папа ходил злой (что бывало с ним исключительно редко) и по всякому поводу раздражался.

– Ну, неужели так трудно сосчитать до двадцати после того, как вода закипит, снять с плиты и поставить под холодную воду!?

Это замечание было адресовано маме, которая отменно готовя любые блюда, так и не научилась «правильно» варить яйцо всмятку. Оно постоянно выходило либо в «мешочек», либо вкрутую, а надо отметить, что это разные вещи! Наверное, на генном уровне некоторые вещи передаются по наследству, поскольку с годами я тоже стал ловить себя на мысли, что подобные «мелочи» порою ужасно расстраивают мужчину. Однако, в тот день я знал истинную причину папиного раздражения. Предстоял «пасьянс» с огромным количеством противоречивых данных, который, в конце концов, обязан был сложиться в стройную и красивую картину «настоящего советского народовластия». Отцу не удалось «спихнуть» это дело на второго зама, да это было даже не в его характере: он никогда не старался заранее выгадать для себя что-либо по легче, а потому довольно часто самое нудное и противное занятие приходилось делать самому. Вот и сейчас, наскоро и молча позавтракав, он прошёл в гостиную и, подойдя к столу, брезгливо уставился на толстую серую папку скоросшивателя. Деваться, однако, было некуда...

– Та-ак... – наконец смирившись, произнёс отец, раскрыв папку и вытянув из него первый лист. В нем мелким почерком в колонку пестрели нескончаемые имена и фамилии предполагаемых героев трудового фронта – депутатов очередного съезда партии. Папа отложил этот лист на край стола и вытащил из недр папки другой, с рекомендациями. Бегло пройдясь по нему, он также отложил его в сторону, но уже чуть повыше и вновь стал знакомиться с третьим документом.

Через полчаса рабочий стол напоминал собою карточную поляну заядлого картёжника: не хватало лишь зелёного сукна. Родитель удовлетворённо крякнул и глубоко затянулся сигаретой. Теперь предстояло самое главное. Высочайшее искусство заключалось в том, чтобы составить такой список, в котором народные избранники одинаково и равно представляли бы все районы области, все слои нашего демократического общества и при этом предстояло учесть требования к предполагаемым кандидатам, имея в виду социальное положение, пол, партийность (или наоборот – беспартийный) и т. д. и т. п. Словом, задачка выходила не из лёгких.

Когда через два часа я, вдоволь наигравшись со сверстниками в футбол, возвратился домой и вошёл в гостиную, на отца невозможно было смотреть без сострадания. Он буквально рвал и метал по столу многочисленные бумажки, матеря последними словами партию и правительство, вместе со всеми членами Политбюро. Завидев меня, он несколько остыл и, упав в кресло, обречённо выдал:

– Ну, где я им найду непьющего слесаря, партийного, да ещё и с канимехского района! В этих степях окромя чабанов и баранов, никогда ничего не водилось.

– Можно, ведь, этот пункт пока пропустить и посмотреть другие кандидатуры – попытался успокоить я отца.

– А-а... – безнадёжно махнул он рукой, вставая с кресла и вновь садясь за стол. – Другие не лучше.

– Вот, например, тут – папа ткнул пальцем в бумажку, лежащую слева внизу – требуется: каракульский район, механизатор, беспартийный, примерный семьянин, передовик, мужчина. И где мне его, по-твоему, им достать?

Я быстро прошёлся глазами по списку кандидатур каракульского района и вдруг, найдя искомое, радостно показал отцу.

– Ага: умник нашёлся – досадливо поморщился отец, – ты глянь, что тут написано: «партийный», а мне нужен беспартийный.

– Так может его из партии исключить? – попытался неудачно я пошутить, но, взглянув на отца, тут же осёкся.

– Слушай, иди и не мешай, – устало произнёс он – мне сейчас не до шуток.

Однако, оставить отца один на один с «загадками сфинкса» я не решился, а потому всего лишь немного отодвинулся от стола, продолжая изучать содержимое листов и пытаюсь хоть как-то помочь родителю. Наконец, постепенно вникнув в «правила игры», я молча стал сверять один из вариантов, который по всем параметрам сходился требуемым в «задачнике». Убедившись, что все расчёты верны, я набрался смелости и осторожно обратил внимание отца на мою находку. Отец нехотя отвлёкся и, бросив взгляд на предложенный мною вариант, некоторое время молча стал сверять его с многочисленными бумажками, раскинутыми, словно карты по всему периметру стола. Наконец, лёгкая улыбка обозначилась на его лице. Подняв на меня изумлённые глаза, отец многозначительно изрёк: «Да-а, похоже, из тебя может выйти неплохой аппаратчик». Естественно, я счёл это за неслыханный комплимент и уверенно пододвинул стул поближе. Возражений со стороны отца не последовало.

Уже ближе к вечеру, когда со стороны кухни начали доходить до гостиной сводящие с ума запахи жареной баранины с луком и со специями, работа стала близиться к завершающей стадии: отец набело переписал список с таким трудом подобранных кандидатур. Было видно, что он явно удовлетворён проделанной работой. Только в двух местах никак не сходилось: в одном месте – профессия, в другом – нужен был коммунист, но в наличии имелся только беспартийный.

В холодильнике стыла водочка, а на стол мама раскладывала тарелки с закуской и салатом. Этого было вполне достаточно, чтобы отец одним росчерком пера «превратил» обыкновенную колхозницу в механизатора, а беспартийного «наградил» членским коммунистическим билетом.

– Ничего страшного, – пояснил он, – в первом случае, она обучится хотя бы машинному доению, а во втором – вынуждены будут сделать его членом. Иди, вымой руки и марш за стол!

Отец даёт сеанс одновременной игры в бывшей резиденции эмира бухарского (санаторий «Мохи-Хоса», Бухара, конец 50-х гг. XX-го столетия. Фото из семейного архива автора.

Цугцванг

Несмотря на то, что отец слыл хлебосольным хозяином и сам был не чужд весёлому застолью с хорошей выпивкой и закуской, тем не менее, он во всем любил порядок и меру. Если его самого приглашали в гости, то он, посидев с удовольствием положенное время, всегда чувствовал – когда следует закругляться, дав тем самым возможность хозяевам отдохнуть немного от гостей. Я, например, не помню ни единого случая, чтобы отец остался ночевать у кого-либо в гостях. Сколько бы он не выпил (а выпить он любил), он неизменно стремился домой, ибо полный покой он находил только лишь, очутившись в своей родной кровати. Это у него было, что называется, в крови. Точно такого же отношения он желал видеть и от своих гостей. Хотя, порой, случались довольно забавные казусы.

Однажды гостем отца оказался какой-то местный литератор. Мне почему-то запомнилось его имя – Мелливой – очень редкое даже для местного населения. Как и все настоящие литераторы, он был неравнодушен к спиртному и шахматам.

Застолью предшествовала неспешная беседа и игра. Сыграв пару-тройку партий с отцом и окончательно убедившись, что соперник ему «не по зубам», гость заметно потерял интерес к игре, периодически поглядывая в сторону кухни. Отцу тоже претила «игра в одни ворота»: азарт настоящего игрока просыпался в нем только тогда, когда напротив него сидел достойный и сильный противник.

Родитель тактично предложил сопернику ничью и убрав шахматы, незаметно подал знак матери, означавший, что можно накрывать на стол.

Гость заметно оживился, когда на столе появилась бутылка «Столичной»: чувствовалось, что после писательства, это была его вторая страсть. А потому, очень скоро он настолько захмелел, что прямо на глазах у отца откровенно уснул за столом, уронив голову чуть ли не в тарелку с салатом.

Естественно, такого поворота событий папа никак не мог предвидеть, а потому мгновенно протрезвившись, он стал лихорадочно соображать – каким образом вернуть товарища к цивилизованному застолью. Делать это следовало очень деликатно, дабы не дать повода гостю – обвинить в неучтивом и неуважительном отношении со стороны хозяина дома. С другой стороны, подобной картины ранее никогда в жизни отцу не приходилось видеть, а потому он был явно сконфужен, обескуражен и до крайности расстроен. Что делать?!

– Мелливой – чуть громче обычного обратился папа к гостю, желая обратить к себе внимание последнего. Однако, тот явно не слышал призывов отца.

Заботливая мама и любопытные маленькие члены семьи просунули свои головы в гостиную. Папа вопросительно уставился на нас.

– Мелливой – произнесла мама, в надежде на то, что голос хозяйки дома заставит вздрогнуть и проснуться незадачливого поэта.

В ответ гостиная наполнилась звуками невероятного храпа. Мама не выдержала и тихо засмеялась. Дети также, прыснув от смеха, шустро исчезли в детской комнате. Одному папе было не до смеха: он нервно закурил сигарету и стал совершать круги вокруг стола, соображая – что бы такое предпринять, дабы гость наконец-таки очнулся. И тут его «осенило». Обычно, по завершению застолья, хозяин дома традиционно произносит «омин» – жест, означающий, что теперь можно расходиться.

Отец сел напротив гостя и, поднеся раскрытые и сложенные вместе ладони к своему лицу, достаточно громко произнёс:

– Омин!

Ни единый мускул не дрогнул на лице Мелливой.

Через пять минут дети, корчась в конвульсиях от смеха, валялись в разных концах коридора. И только из гостиной, ещё долго и настойчиво, словно молитва-заклинание, доносились монотонные «мантры» отца:

– Омин, Мелливой! Мелливой, омин!!!

...К сожалению, я уже не помню всех деталей того дня. Видимо, все же, каким-то образом гостя сумели «вернуть к жизни» и проводить домой. Я бы не сказал, что этот случай как-то особо повлиял на отца. Но в одном – точно, потому что с тех пор родитель стал очень осторожным и разборчивым в выборе партнёров.

Культурная столица

Больше всего на свете папа любил свою работу, хороший юмор и путешествия. Иногда мне кажется, что последнее он любил более всего.

Одним из самых приятных путешествий, глубоко запавшим в душу отца, несомненно, является поездка в Ленинград, в начале 70-х годов прошлого века.

Тогда, в советскую эпоху, ещё можно было встретить людей старой, что называется, «питерской закваски», с которыми и связан сложившийся стереотип «колыбели революции», как культурной столицы России.

Казалось бы, совершенно банальнейшая история, на первый взгляд. Но на отца она произвела неизгладимое впечатление.

Стоя, как-то раз, на остановке, в ожидании городского транспорта, папа, докурив сигарету, бросил её не в урну, а рядом, на асфальт.

И тут, прямо над своей головой, он вдруг услышал:

– Молодой человек, Вы нечаянно уронили сигарету.

Задрав голову вверх, отец увидел, как из распахнутого окна на уровне второго этажа, ему мило улыбается пожилая женщина.

– Простите – пробормотал пристыженный родитель, и в ту же секунду быстро подняв с земли окурок, опустил его в урну.

Позже, не раз возвращаясь к этой истории, он неизменно будет восхищаться тактичностью этой женщины, с образом которой и будет на всю оставшуюся жизнь ассоциироваться город на Неве:

– Нет, ну надо же: как красиво она меня...

ЧАСТЬ II

*«...Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам;»
(«Библия, Мф. гл.7, ст. 7»)*

Ожидание

*«Взрослые очень любят цифры. Когда рассказываешь им, что у тебя появился новый друг, они никогда не спросят о самом главном. Никогда они не скажут: „А какой у него голос? В какие игры он любит играть? Ловит ли он бабочек?“ Они спрашивают: „Сколько ему лет? Сколько у него братьев? Сколько он весит? Сколько зарабатывает его отец?“ И после этого воображают, что узнали человека.»
(Антуан де Сент-Экзюпери,
«Маленький принц»)*

Всю жизнь я мучительно искал ответы на самые главные вопросы своей жизни. Они никогда, ни на минуту, не покидали меня, являясь исключительно важными, без ответа на которые дальнейшая жизнь казалась мне бессмысленной и абсурдной. Над многими из них я тщетно бьюсь до сих пор. Как ни покажется странным, вопросы эти одновременно до наивности просты и в то же самое время невероятно сложны: «Каким образом появился мир и я в нём?», «Какой смысл во всём этом существовании?», «Как мне следует себя вести?», «Кто мне сумеет помочь во всём этом разобраться?»

Казалось бы, у меня было всё, что нужно для человека в условиях советского времени: позади – счастливое беззаботное детство и бесплатное образование, в настоящем – прекрасная работа бармена, деньги, друзья, подруги... а впереди – заслуженная пенсия, позволяющая сносно прожить остаток жизни, уважение и почёт. Но на душе, почему-то, было беспокойно. Я не мог объяснить самому себе – что со мною происходит, что меня так раздражает и не даёт полноценно наслаждаться предоставленной жизнью? Чего-то мне явно не хватало. Я чувствовал в себе какую-то раздвоенность: в книжках читаю одно, а в жизни сталкиваюсь с совершенно противоположным. Внешне, со всеми в ладу, кроме... своей совести. Внутри не было мира и покоя.

Я страдал и надеялся, что когда-нибудь это должно разрешиться. Я жил ожиданием чего-то, что поможет мне всё расставить по своим местам.

Больше всего меня угнетала очевидная ложь нашей системы, бросающаяся в глаза любому здравомыслящему человеку. Да, было много хорошего: бесплатное образование, бесплатная медицина, бесчисленные кружки при домах творчества и пионеров, дешёвые и стабильные цены... Но, наряду с этим, над внешней мирной и беззаботной жизнью советского человека, нависала идеологическая составляющая, давящая своим мёртвым грузом и беспощадно уничтожающая любые проявления инакомыслия и свободы.

Да, это было уже не сталинское время, но от этого не становилось легче на душе. Невзирая на очевидную агонию системы, делались различные попытки реанимировать её, чтобы хоть как-то выглядеть органично вписанным в существовавший и окружавший нас мир. Впрочем, в реализацию и претворение в жизнь всех этих попыток не верили даже сами авторы, не говоря уже о народе. Удручало и ввергало в уныние только одно – конца этому сумасшествию не видно. Раз, тронувшись с места в далёком 1917-ом году, эта неуклюжая громадина уже не в состоянии была остановиться, и ей оставалось только мчаться по инерции, без

машиниста в неизвестное будущее, подминая под свои колеса собственный народ и заставляя от ужаса содрогаться от её непредсказуемости весь остальной цивилизованный мир. Получался какой-то заколдованный круг.

Работая в «Интуристе», мне волей-неволей, приходилось соприкасаться с людьми, приезжавшими посмотреть нашу страну, из различных уголков земного шара. Общаясь с ними, я воочию видел перед собой нормальных раскрепощённых людей, которые могли (в отличие от нас) совершенно свободно высказываться на любые темы. И потому, мне сразу бросалось в глаза, несоответствие между штампом, бытовавшем в идеологической сфере о западном образе жизни и той реальностью, с которой мне ежедневно приходилось сталкиваться.

Так, постепенно, вместе с осознанием лживости, пропитавшей всю нашу пропаганду, во мне, сначала, проснулся горький стыд за ту страну, в которой я живу, затем – злоба на себя, от того, что никакими усилиями, я, существующего положения дел, не смогу выправить, и, в конце концов, наступило отчаяние – «Господи! Почему, ну почему же меня угораздило родиться именно на этой одной шестой части суши Земли?! Неужели мало места было на планете, где я мог бы родиться?»

Уж, лучше б я родился в каком-нибудь, богом забытом, уголке Земли, в людоедском племени, чем жить здесь. Там хоть все, по крайней мере, понятно и честно: есть вождь, которому, однозначно, должна быть «отвалена» львиная доля добычи; есть строгие табу, за нарушение которых тебя ждёт та же участь, что постигла твоих жертв. Все понятно и все органично вписывается в сознание дикарей. Нет никаких двойных, тройных стандартов, затуманивающих умы и вносящих смятение в душу.

В моем же случае, все это выглядело несколько иначе: с самого детства я жил и воспитывался на примере классических произведений, героями которых я восхищался, боготворил, но – почему-то – не находил их в реальной, окружающей меня жизни. Мне с самого начала вдалбливали, что врать и говорить неправду – нехорошо, но, живя в реальном мире, я сплошь и рядом натыкался на эту самую неправду, ложь и лицемерие. И если мы живём в такой счастливой и свободной стране, то почему я не могу воспользоваться случаем – поехать и рассказать об этом остальному «несчастному» миру, дабы призвать их последовать нашему удивительному примеру? Всё это напоминало мне, много позже прочитанную мною, «Исповедь» Л. Толстого, в которой говорится об учении Христа; где, соглашаясь со всем, что сказано в Евангелии, мы, тем не менее, в жизни совершаем всё с точностью наоборот: прикрываясь Христом, живём не по-христиански, искажая, тем самым, своими словами и поступками весь смысл Нового Завета и дискредитируя само учение Христово.

Тогда ещё, смутно улавливая всё несоответствие между демагогией, исходившей от многочисленных источников, находящихся в арсенале существующей в то время власти, и тем, что я вижу воочию, осязаю своей кожей и слышу своими ушами в реальности, тогда ещё, я не мог в полной мере дать себе ответа на мучавшие меня многочисленные вопросы. Я знал только одно – я зашёл в тупик, и выхода нигде не видно.

Иногда, в надежде найти ответ на эти вопросы со стороны, я пытался было делать робкие попытки в кругу своих близких друзей, но всегда натыкался на отпор, достойный восточного подражания, с присущей ей неотразимой аргументацией, вся суть которой приводилась к следующему: принимай жизнь такой, какая она есть и не пытайся «изобретать велосипеда». Всё давно уже сказано до тебя – так было, так есть и так будет. Не лучше ли примириться с существующим положением дел и жить в ладу со всеми, подстраиваясь под реалии сегодняшнего дня и не забывая себе голову лишними проблемами. Люди поумнее тебя задавались подобными вопросами и не могли найти ответ. Так, не лучше ли принять всё, как есть, ибо изменить что-либо не в твоей власти. Забудь, поскольку в лучшем случае – ты будешь выглядеть посмешищем в глазах окружающих, ну а в худшем – рискуешь навлечь на себя гнев власть предержащих и хлебнуть немало горя.

И я уже начал было соглашаться с мнением своих товарищей; действительно – чего мне не хватало? Я зарабатывал за день столько, сколько за месяц получал обыкновенный труженик. Мне доступны были все соблазны жизни, и – при этом – я не испытывал недостатка ни в чем. Я был молод, холост, и нельзя сказать, что был обделён вниманием слабого пола. Постепенно, я начал приходить к мысли, что всё, что со мной происходило, все эти мысли и представления о настоящей жизни, всё это я вычитал в книгах. На самом деле, – всего этого нет. А существует реально только та жизнь, которая окружает меня, и, следовательно, отбросив всякие сантименты и включив «трезвый» взгляд на вещи, следует так и жить.

Так продолжалось до тех пор, пока на моём жизненном горизонте не возникла фигура Андрея.

Сейчас, по прошествии стольких лет, я понимаю, что встреча эта не могла не состояться. Рано или поздно, но она была неизбежна...

Так говорит Андрюша...

В далёком 1982 году мне впервые довелось пересечь территорию Российской Федерации.

В середине ноября я оказался в Ленинграде. Незадолго до этого умер Брежнев.

Друзья были искренне рады моему приезду...

Так уж получилось, что в феврале 1984 года я вновь очутился на берегах Невы. На сей раз, буквально за два-три дня до моего приезда, скончался Андропов.

Мой друг Андрей, радостно бросаясь в объятия:

– Господи, Голибушка! Ты бы почаще к нам приезжал...

Знакомство

Существует довольно устоявшееся выражение – «Сверять свою жизнь по...», и далее следуют различные варианты: «по звёздам», «по веку», «по...» Одним словом, исходя из некоей точки отсчёта, сравнивая событие, явление или жизнь относительно нашего трёхмерного пространства и полагаясь на пять органов чувств.

Не удивляйся, мой милый читатель, и не сочти, пожалуйста, то, что ты сейчас услышишь, за «бред сивой кобылы» или (если быть точнее) сивого мерина, но мне тебе необходимо сообщить нечто очень важное, иначе бы я не стал отрывать твоего столь драгоценного времени. А сообщение моё заключается в том, что я в своей жизни сделал великое открытие, найдя, наконец-таки, для себя ещё одно измерение и приобретя, таким образом, дополнительное чувство. И этим открытием для меня явился обычный с виду человек, с которым мне довелось познакомиться, и о котором я давным-давно собирался тебе поведать. Но, видать, чересчур уж, огромна оказалась для меня эта глыба и слишком далеко (по времени) надобно было отойти мне для того, чтобы охватить её взглядом, а затем, пережевывая, переосмыслив и перечувствовав, постараться донести до тебя хотя бы небольшой осколочек от неё с тем, чтобы ты смог составить для себя приблизительное представление об этой удивительной личности.

Откладывать далее, уже не имеет более смысла – жизнь неумолимо приближается к той черте, за которой у меня будет строго спрошено: «Так почему-же, ты – собака – не поделился со своими современниками тем, что ты имел, используя хотя бы и тот косноязычный слог, что был дан тебе?!»

И в самом деле, не всем же дано быть Толстыми да Гоголями, Тургеневыми и Достоевскими. Их рождаются единицы на целое столетие, а столько ждать невозможно. Вот почему, я рискнул рассказать своими словами о... нет, не о великом, поскольку величие – это совсем из другой оперы, а об удивительно самобытной личности и интересном человеке, по которому мне пришлось сверять свою жизнь.

Именно – сверять! Не копировать, не пародировать, не подражать. Ибо, познакомившись поближе с подобного рода людьми, мы уже не можем жить своей прежней жизнью, но, однажды попав под влияние и обаяние этих уникалов, которые, вне всяких сомнений, влияют на нравственную природу человечества, просто обязаны попытаться изменить себя. А это означает – изменить наше окружение к лучшему. Что, в конечном счёте, приводит к изменению нравственного климата на Земле в целом. О, как громко сказано!

Ведь, самое ценное, что даровано человеку, это жизнь. И использовать данный шанс можно по-разному: прожечь, прогулять, пропить, наконец, чтобы, забывшись, очутиться в какой-нибудь канаве... А можно, попытаться посмотреть на мир совершенно иными глазами. И тогда – я в этом убеждён – наряду с осознанием смысла человеческого существования, человек обретает не только душевный покой, но и, слившись в сладостной гармонии этого мира, постигает высшую тайну Вселенной, которую предначертано в итоге познать любому человеку и которая находится на самом деле внутри каждого из нас. И я приглашаю тебя – дорогой мой читатель – познакомиться с ним.

Итак, знакомство наше с Андреем произошло при довольно забавных обстоятельствах, что требует своего отдельного повествования. (Я ведь, тебя предупреждал, что родился на Востоке, а потому стисни свои зубы и потерпи немного...)

1980-й год. Я – бармен одного из самых экзотических баров (при всесоюзном акционерном обществе «Интурист»), расположенного в одном из красивейших памятников древнего зодчества XVII-го века – медресе Абдулазиз-хана, что находится в самом центре старого города, объявленного архитектурным заповедником.

Маршруты всех экскурсий неизменно сходились именно в этом здании, во дворе которого по вечерам, под открытым небом, для многочисленных туристов устраивался фольклорный концерт, исполняемый артистами местной филармонии. Днём же, сюда различными ручейками стекались всевозможные потоки разношёрстных туристов: как иностранных, так и советских.

Мощные и толстые полутораметровые стены некогда лекционного зала, переоборудованного под современный бар, надёжно защищали помещение от знойной 50-градусной жары, предоставляя утомлённому путнику долгожданную прохладу и уютный полумрак, располагающий к приятному отдыху. Волей-неволей, здесь хочется пропустить стаканчик-другой вожделенного прохладного напитка. А через короткое время, немного освоившись и разомлев от уюта и комфорта, иных туристов тянет уже выпить и кое-что покрепче. Одним словом, почти совсем как в старой восточной сказке: утомлённому взору путешественника, порядком уставшему от изнурительной ходьбы и измученному под безжалостными лучами нещадно палящего солнца, внезапно, как в награду за проявленные настойчивость и упорство, предстаёт благодатный оазис, предоставляя долгожданный покой и прохладу.

В один из таких обычных летних дней, порог небольшого уютного бара переступила нога Наташи, супруги Андрея. Мог ли я тогда предположить, что этот шаг, чуть позднее, перевернёт моё сознание и кардинальным образом повлияет на всё моё мировоззрение и мироощущение, изменив, тем самым, дальнейший ход истории всей моей жизни? Конечно же, – нет. Ибо, это был Знак. Знак, который даётся свыше...

События требуют от летописца неукоснительного следования правде и только правде. А потому...

В тот момент мой намётанный взгляд бармена, бабника и ловеласа зафиксировал всего лишь прекрасную женскую ножку. Далее, скользя по ней выше, он на секунду замер в районе бёдер, заставив ощутить некий спазм в области грудной клетки. Синие фирменные джинсы плотно облегли точёные ножки её хозяйки, являя собой непревзойдённый скульптурный шедевр, словно над ними изрядно попотел сам великий Микеланджело.

Затем, следуя за плавными изгибами и контурами, которые очерчивали её стройное тело, я отметил про себя тонкую талию, напоминавшую хрупкое горлышко изящной восточной вазы, отчего моё сердце запрыгало и затрепетало, готовое вот-вот вырваться наружу. И, наконец, взгляд мой окончательно остановился на уровне Наташиной груди.

Тут, едва справившись со своими чувствами и, с трудом сглотнув слюну, я стал молить всего лишь об одном: «Только бы не вспугнуть жертву! Только бы она не развернулась и не ушла!»

Призвав на помощь всех святых, я собрал остатки самообладания и постарался естественно и непринуждённо улыбнуться своей гостье. Наверное, это у меня получилось, потому что в следующее мгновение Наташа уверенно направилась к стойке.

«Ну, теперь дело только за тобой, дурак!» – мысленно воззвал я к себе и, галантно кивнув незнакомке на барный стул, поставил перед ней стакан с прохладным соком. Ответом явилась очаровательная улыбка.

Теперь, когда мне окончательно и полностью удалось разглядеть мою новую знакомую, я поначалу даже несколько растерялся, ибо не так часто мне доводилось иметь дело с исключительным совершенством, коим, несомненно, являлась Наташа.

В её чистых и ясных глазах, обращённых к собеседнику, читалась открытая душа и неподдельный искренний интерес. Эти глаза могли свести с ума кого угодно!

Окончательно же, меня добила её длинные и шелковистые волосы, волнующей линией обрамляющие почти детское личико и веером ниспадающие темно-каштановыми золотистыми искрами на её слегка округлые белые плечи.

На какие-то несколько секунд я онемел. Однако, очень скоро, вновь взяв себя в руки, нашёл в себе силы, чтобы представиться.

Ответом мне был не голос, а волшебное журчание весеннего горного ручейка. Её тоненький голосок показался мне музыкой высших сфер – настолько это показалось неожиданным и необычным, что я был буквально очарован и решительно сражён этой мелодией.

В течение последующих десяти-пятнадцати минут, я скороговоркой выдал «на гора» весь словарный запас дежурных острот, имеющийся, как правило, в арсенале любого мало-мальски уважающего себя бармена, выложив львиную долю интеллектуального багажа и распушив свой павлиний хвост настолько, насколько это позволяло пространство нашего скромного по размерам бара.

В свою очередь, являясь исключительно мудрой и тактичной женщиной, Наташа не только ни разу не перебила меня, но даже напротив: всем своим видом она ясно давала понять, что ей невероятно крупно повезло – такого умного и обаятельного мужчину она встречает впервые в своей жизни.

Это окончательно вскружило голову дикому архару, и я уже стал плести такое, что удивлялся самому себе. Перепрыгивая с «третье на десятое» и обратно, мой разум витал в высших заоблачных сферах, с одной-единственной целью: «Лишь бы не упустить такую добычу!»

Вне всяких сомнений, это был пик моего интеллектуального и эмоционального всплеска: я был в таком воодушевлённом и приподнятом настроении, в таком состоянии духа, что сам царь Соломон заскрежетал бы зубами от зависти, завидев меня.

В конце концов, моя ахиня была по достоинству оценена милой гостьей, которая на моё настойчивое приглашение – непременно посетить наш бар сегодня вечером («фольклорный концерт», «арабский танец живота» и всё такое прочее...) – дала-таки своё согласие, скромно добавив своим тоненьким, поистине ангельским голоском:

– Хорошо: нас будет трое.

– Конечно же: об чём разговор?! – обрадовался я, добавив про себя: «Можете не волноваться, мадам: нас также будет трое!»

Проводив Наташу, я, слегка пританцовывая и насвистывая какую-то фривольную мелодию, тут же стал прикидывать в уме: «Кого бы из своих многочисленных друзей пригласить на столь многообещающий и фантастический вечер?»

Забегая несколько вперёд, хочется привести отрывок из воспоминаний самого Андрея о том памятном дне.

«Встретив нас с Виталиком в условленном месте, Наташа заявила нам, что вечером она приготовила для нас «сюрприз»: мы идём в гости к одному очень интересному человеку. Наши робкие опасения, относительно возможных осложнений, она решительно развеяла, коротко бросив: «Увидите сами – не пожалеете...»

Полагаю, не сложно представить себе мою физиономию, когда в назначенное время порог нашего бара переступили очаровательная Наташа и двое бородатых мужчин бомжеватого типа. Мои друзья, которым я пообещал незабываемый вечер, молча переглянулись между собой, но, вскоре придя в себя и с криком «ещё можем успеть на турбазу!», в мгновение ока скрылись из глаз долой, оставив меня наедине со «святой троицей».

Делать было нечего: вечер был уже все равно безнадежно испорчен, но показывать виду не позволяло восточное гостеприимство («пропади оно пропадом!»). Справедливо полагая, что на большее, чем столовое белое вино, моим гостям (ввиду их явного коварства) рассчитывать вряд-ли стоило, я, с трудом скрывая свою досаду, откупорил бутылку и, взяв четыре пустых стакана, нехотя поплёлся навстречу своей Судьбе.

– Познакомься, Голиб – это мои минские друзья – Виталий и Андрей – не моргнув глазом, соврала Наташа, представляя своих попутчиков.

– Очень приятно – как можно ласковой состроил я в ответ идиотскую улыбочку. «Надо же, и где только она откопала таких жлобов?»

Аналитический склад ума и непревзойдённый дар тонкого знатока человеческих душ я заценю за Наташей значительно позже, когда, приняв её приглашение и дав слово, приеду к «ней» в гости.

Видимо, искренне проникшись ко мне дружескими чувствами и являясь неплохим психологом, она сознательно постаралась скрыть от меня факт своего замужества, дабы быть уверенной в реальности моей поездки. И уже за одно это я ей останусь благодарным до конца дней своей жизни.

– Только посмей пикнуть! – пригрозит она накануне нашей памятной встречи своему мужу.

К чести, надо отдать должное актёрскому мастерству моего друга: Андрюша исполнит свою роль безупречно, не вызвав во мне и тени подозрения.

Несколько слов о самом Андрее.

Никогда не подозревал, что самое сложное – это писать о человеке, с которым, казалось бы, ты настолько близок, что понимаешь его с полуслова, с полувзгляда. И, тем не менее, вынужден это признать.

Я встретил удивительный тип человека, совершенно неизвестный и не встречавшийся мне ранее. После знакомства с Андреем, я всё более убеждаюсь в том, что у человечества тоже должна существовать своя «Красная Книга», в одной из первых строчек которой большими буквами должно быть вписано имя этого человека. И пока жив этот редкий и исчезающий вид людей, наша планета будет вращаться. Ибо встреча с подобными личностями – поистине царский подарок.

И это при том, что такие люди, как правило, почти ничем не выделяются особо среди огромной массы народа, и прежде всего, ввиду их чрезвычайной скромности. Пока жизнь не сведёт вас с ними лицом к лицу. Мне повезло. Я встретил уникального человека, полного жизненной энергии, с неповторимым чувством юмора, открытыми жизнерадостными и искрящими глазами, излучающими доброту.

Его грамотно поставленная речь заставляет устыдиться человека свою собственную: она так естественна и в то же время совсем не похожа на ту, которую мы привыкли слышать вокруг в повседневной жизни. Она у него удивительно живая, изобилует необычными оборотами речи, полна различных острот и шуток, которые выскакивают из него автоматом, словно он буквально напичкан ими – такими оригинальными и присущие только одному ему. Наконец, она – эта речь – обладает доверительным характером, с первых же минут общения приковывая к себе внимание, очаровывая и подкупая своего собеседника необыкновенным лиризмом и проникновенной искренностью. При этом, интерес его совершенно естественный и неподдельный.

Кроме того, особо следует отметить его мимику и реакцию. Мгновение – и выражение лица может измениться до неузнаваемости. Можно сказать, что это прирождённый актёр, но актёр непростой, а воистину необыкновенный. Диапазон его эмоций чрезвычайно широк и разнообразен: мирная и доверительная беседа может в мгновение ока перерасти в бурю гнева, стоит только дать этому повод. И наоборот – он с радостью и превеликим удовольствием готов сменить свой гнев на милость, однако, не изменяя, при этом, своим принципам и не вступая в сомнительную сделку со своей совестью. Понятия честь, совесть, порядочность для него не пустые звуки. Предательства же, он никогда не прощает.

Я бываю, порой, буквально околдован и заворожён его речью, его искромётным юмором, и наконец тем, как он совершенно искренне умеет слушать и слышать (редкое качество в наше время) своего собеседника, не вызывая подозрений и оставаясь, при этом, простым и доступным.

Одним словом, в тот момент я ещё не в полной мере осознал тот факт, что Судьба, в его лице приготовила для меня поистине щедрый подарок, ценность которого я вряд ли сумею оценить по достоинству в своей жизни. Отчасти, я это пойму много позже, когда побываю у него в гостях, в Минске, где он жил и где мне предстояло через него познакомиться с целым рядом уникальных и замечательных людей.

Так говорит Андрюша...

Спорим с приятелем на тему восточных красавиц.

– Нет, Андрюш, ты неправ – предпринимаю я последнюю попытку, стараясь быть лояльным и по возможности объективным. – Да ты посмотри на наших красавиц: стройна, изящна, грациозна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.